

Е. В. Рахилина

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА: ИСТОРИЯ. ПЕРСОНАЛИИ. ИДЕИ. РЕЗУЛЬТАТЫ*

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Хорошо известные достижения отечественной лингвистики в области теоретической семантики стали возможны во многом благодаря тому, что в 60–70-е годы наша лингвистика шла «своим путем»: Россия — практически единственная страна в мире, избежавшая в ту эпоху массового увлечения генеративизмом. В каком-то смысле генеративизм Хомского как глобальную модель языка у нас заменила модель «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» И. А. Мельчука, А. К. Жолковского и Ю. Д. Апресяна. В этой модели (в отличие от моделей Хомского) семантика с самого начала была важнейшим компонентом языкового представления; в дальнейшем этот компонент детально разрабатывался и совершенствовался — работы в этой области дают полное основание говорить о сущест-

---

* Данная работа выполнена при поддержке фонда Research Support Scheme Института открытого общества (Прага), грант N 49/94 и Российского гуманитарного научного фонда, грант N 96-04-06380а.

Работа обсуждалась на семинарах Института языкознания РАН под рук. О. Н. Селиверстовой и Е. С. Кубряковой; она также послужила основой курса «Когнитивная семантика», читавшегося автором на факультете теоретической и прикладной лингвистики РГГУ. Автор благодарен всем участникам этих обсуждений и студентам за проявленный интерес и вопросы, способствовавшие прояснению многих мест. Рукопись обзора была внимательно прочитана А. А. Кибриком, М. А. Кронгаузом, М. В. Филипенко, А. Ченки и (неоднократно) В. А. Плунгином — их советы, замечания и поправки значительно облегчили работу автора и помогли усовершенствовать текст. Автор признателен также Д. Герартсу, Л. И. Куликову, Р. Лэнгекеру, А. Д. Мостовой, Б. Рудзке-Остин и А. Ченки, любезно согласившимся прислать целый ряд недоступных у нас лингвистических работ.

вовании самостоятельного направления в семантике, известного как Московская семантическая школа (ср. прежде всего [Мельчук 1974; 1995; Апресян 1974; 1995; Мельчук, Жолковский 1984]).

Увлеченные русской семантикой (и семантикой русского языка), мы привыкли к представлению о том, что в западной лингвистике господствует хомскианство, поэтому там нет и не может быть семантики — разве что в каком-то ущербном, урезанном виде (например, в виде отдельных простых семантических признаков, предложенных когда-то Дж. Кацем [Katz, Fodor 1963; Katz 1972], но, впрочем, основной — «mainstream» — теорией так и не признанных). Так, блестящие идеи Бирвиша или Вейнрейха в свое время должны были быть уложены в прокрустово ложе формализации: теоретикам было интересно не содержание семантической информации, а способ ее включения в модель. На этом фоне хорошо известные у нас семантические работы Ч. Филлмора казались исключениями, подтверждающими правило.

Однако сегодня, в середине 90-х годов, можно с уверенностью говорить о целом направлении в западной лингвистике, которое ставит во главу угла именно задачу семантического описания языка. С некоторой долей условности его можно назвать когнитивной семантикой — в рамках более широкой области: когнитивной лингвистики¹. В свою очередь, когнитивная лингвистика тоже возникла достаточно недавно: ее, так сказать, днем рождения считают симпозиум в Дуйсбурге, организованный Рене Дирвеном (Дуйсбургский университет, Германия) весной 1989 года. Именно на этой конференции был основан журнал «Когнитивная лингвистика» (ставший одним из лучших современных лингвистических журналов; его редактором до последнего времени был Дирк Герартс — Лувенский университет, Бельгия), там же была задумана серия монографий «Исследования по когнитивной лингвистике», в которой, в частности, вышла книга [Langacker 1991a]. Впрочем, может быть, точкой отсчета нужно считать предыдущую конференцию, в Трире (тоже организованную Р. Дирвеном), или во многих отношениях замечательный сборник [Rudzka-Ostyn 1988], изданный под редакцией Бригиды Рудзки-Остин (Лувенский католический университет, Бельгия) — кстати, эта книга тоже вышла в 1988 году.

---

¹ О когнитивной лингвистике см., в частности, серию недавних обзоров [Кубракова 1994; Демьянков 1994; Кибрик 1994]; ср. также [Степанов 1995; Паршин 1996 и Баранов, Добровольский 1997].

В настоящем обзоре мы хотели бы нарисовать самую общую картину семантических исследований в рамках этого направления, как оно себя осознает. Трудность нашей задачи в том, что, несмотря на некоторую общность взглядов, точек зрения и даже иногда методов исследования, здесь нет ни какого-то одного признанного лидера, «мэтра», ни уже готовой модели, а есть, наоборот, живое многообразие и интересные поиски новых решений и новых задач — идущие, подчас, в разных направлениях.

1. ИЗ ИСТОРИИ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ²

Современная лингвистика началась с Соссюра. До Соссюра место лингвистики занимали историко-филологические исследования; здесь можно назвать имена Бреалья, Вундта, Пауля и др. Соссюр (скорее, даже, его последователи) изменил предмет исследований, причем сделал это замечательным образом — он провел границы: это — синхрония, а это — диахрония; это — язык, а это — речь. Такая простая процедура (произведенная, впрочем, совершенно в традициях структурализма начала века, господствовавшего и в других областях человеческого знания) имела удивительный эффект: в одночасье лингвистика стала похожей на точную науку, а данный прием — проведение границ — с успехом использовался и дальше, пожалуй, вплоть до конца 60-х годов (ведь именно к 60-м годам лингвистика максимально сблизилась с математикой и кибернетикой — в частности, в связи с исследованиями по машинному переводу). Так, были проведены границы между фонетикой и фонологией, морфологией и морфологией, различали глубинный и поверхностный синтаксис, актанты и сирконстанты, словарную и энциклопедическую информацию, и т. д. и т. п. Тогда казалось, что чем больше границ, тем лучше, потому что таким образом можно выделить некоторую узкую, автономную и потому решаемую задачу описать, например, автономный синтаксис или даже только один алломорф морфемы, одно значение лексемы или одно употребление синтаксической конструкции. (Ср. стандартное название статьи того периода: «Об одном...».) Следует, однако, отметить, что большинство результатов структурной лингвистики (в том числе замечательных) были

---

² В настоящем разделе мы опираемся прежде всего на работу [Geeraerts 1988a], ср. также обсуждение данной проблематики в [Geeraerts 1992; Степанов 1995].

получены именно благодаря четкой, «разделительной» постановке задач.

«Разделительная» постановка задач господствовала и в структурной семантике: до-структуралистская, историческая лингвистика критиковалась и за то, что смешивала синхронно с диахронией, и за то, что не имела собственных, лингвистических методов исследования (подробнее об этом см. [Geeraerts 1988a]).

В принципе, модель Хомского (который, между прочим, с самого начала объявил задачей лингвистики описание когнитивной способности человека, ср. об этом ниже) вполне вкладывается в «разделительную» идеологию: ведь его модель описывает как раз *автономный* синтаксис. Однако уже в середине 60-х годов оказалось, что для порождения этой моделью правильных фраз английского языка к системе синтаксических правил необходимо «добавить» интерпретационный компонент (см. знаменитую статью [Katz, Fodor 1963], ср. также [Geeraerts 1988c]). В начале это был забытый к тому времени и вновь открытый компонентный анализ, затем он был дополнен семантическими отношениями: синонимией, антонимией, гипонимией и простейшими селективными признаками (в том духе, что глагол *есть* сочетается с названиями съедобных и не полностью жидких объектов), но каждый следующий шаг «раздвигал» установленные границы канонической модели. Бурные дискуссии начала 70-х годов по поводу идей Каца (см. [Bierwisch 1969; McCawley 1971; Lakoff 1972]) заставили продвинуться дальше: использовать для представления значения формализмы логики предикатов. Между тем, логические структуры типа тех, которые предлагаются в логике, должны быть интерпретируемы — таким образом, происходит всплеск референциальной семантики в 70-е годы, и растет интерес к неклассическим логикам (временные, интенциональные логики, грамматика Монтегю). На Западе на этой волне возникли целые школы формальной лингвистики и логической семантики (ср., например, [Partee 1976; Dowty 1979]). У нас почему-то формальная логическая семантика не получила серьезного резонанса (за исключением, разве что, почти забытых работ С. К. Шаумяна, создавшего на основе логики Карри³ так наз. «аппликативную

---

³ Интересно, что за пределами нашей страны сторонники аппликативной модели, хотя и немногочисленные, продолжают работать (включая самого С. К. Шаумяна). Укажем, в частности, книгу [Descles et al. 1985] — результат интереса к аппликативной модели со стороны французского типолога и слависта Златки Генчевой и французского математика, работающего на стыке логики и

модель языка»), но эффект расширения, так сказать, исходно установленных, границ семантики, знаком и нашей лингвистике, — в частности, яркий пример тому как раз интерес к проблемам референции (ср. прежде всего работы Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой); одно время шло даже обсуждение того, не нужно ли ввести дополнительный, референциальный уровень в модель «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст»⁴.

От проблем референции — всего один шаг до прагматики: сначала оказалась существенной, выделенной роль одного особого референта — говорящего, причем настолько, что без понимания этой роли невозможно ни интерпретировать, ни порождать предложения даже с самыми простыми глаголами движения, такими как *come* или *go* ([Fillmore 1983], ср. также [Апресян 1986], где эта проблематика обсуждалась на материале русского языка). Потом выяснилось, что для правильной интерпретации по крайней мере некоторых типов предложений, т. е. для того, чтобы адекватным образом сопоставить им верную внеязыковую ситуацию, недостаточно исчерпывающим образом построенной семантической структуры, потому что в естественном языке *Ne peredajte li мне соль?* отчего-то оказывается не вопросом, а просьбой, а тавтологии типа *Boys are boys* осмысленны. И чтобы эти и подобные им факты объяснить, необходимо «пристроить» к семантической модели компонент, каким-то образом описывающий прагматику — отношения между говорящим и слушающим, в том числе, их намерения, явные и скрытые, положение в социальной иерархии, их принадлежность к той или иной культуре и т. д., и т. п. — как видим, происходит очередное расширение границ лингвистического описания, причем на этот раз «изгородь» перенесена так решительно далеко, что, очевидным образом, оказалась на совершенно чужой территории, нарушив суверенитеты психологии, социологии, этнографии и т. п.

когнитивной психологии, Жан-Пьера Декле. Более подробно о французских версиях когнитивного направления см. наш обзор [Плунгян, Рахилина 1994].

⁴ «Логический» период семантики оставил в лингвистике еще одну важную идею: идею противопоставления пресуппозиции и ассерции. К этому времени семантическое описание уже представляло собой текст, написанный с помощью единиц семантического языка, связанных определенными отношениями. Оказалось, что этот текст состоит из двух неравноправных частей: неотрицаемой пресуппозиции и отрицаемой ассерции. Тем самым были открыты новые правила описания сочетаемости, построенные уже не на (в общем, исчерпавшей себя) идее селективных признаков, а на понятии сферы действия (score) лексемы.

Если в истории нашей отечественной науки такое расширение границ семантики в целом принималось и приводило к постепенным изменениям задач и методов лингвистического исследования, то модель Хомского всеми способами старалась сохранить идею автономного синтаксиса, по возможности отгородившись от семантики и прагматики. Неудивительно, что наиболее яркие лингвисты США (кстати, практически все они были в свое время учениками Хомского) оказались «диссидентами» как Стандартной теории, так и последующих ее модификаций. Так, и Дж. Лаков, и Р. Лэнгекер, и Р. Джэкендофф начинали с порождающей грамматики — и все они стали значительными фигурами в когнитивной семантике.

Вообще говоря, это не случайно. С одной стороны, в процессе построения формальной алгоритмической модели языка на каждом ее этапе усложняется алгоритм и правила. И несмотря на это, всякий раз оказывается, что какие-то фрагменты естественного языка все равно не порождаются, а то, что порождается, наоборот, не существует в языке, так что требуются новые и новые усовершенствования. Поэтому именно рамки узкой алгоритмической модели заставляют однажды задать вопрос: а что если человек думает и говорит совершенно иначе — т. е., не алгоритмически. В этом смысле когнитивная лингвистика возникла как принципиальная альтернатива генеративному подходу Хомского. С другой стороны, как мы говорили, как раз Хомскому принадлежат слова о том, что задача лингвистики — это изучение когнитивных способностей человека, а семантика (как и грамматика в целом) — часть психологии. Эта идея никак не была реализована в практике моделей Хомского, однако, может быть, это и было то самое ружье, которое должно было однажды выстрелить: главная общая мысль, объединившая когнитивную лингвистику в новое направление та, что языковые способности человека — это часть его когнитивных способностей.

Фактически здесь кончается история возникновения направления, и нам следовало бы перейти к изложению общей концепции или хотя бы общих подходов исследователей этого направления. Однако, повторим, строго говоря, ничего этого нет. Достаточно сказать, что к представителям когнитивного подхода в семантике причисляют, например, Дж. Лакова, Р. Лэнгекера, Р. Джэкендоффа, Ч. Филлмора, Л. Талми⁵. Это известные име-

---

⁵ Другие, возможно, менее известные у нас имена: К. Бругман, К. Ванделуаз, Д. Герартс, А. Голдберг, Р. Дирвен, С. Линднер, И. Свитсер, Дж. Тейлор, Ж. Фо-

на — одного их упоминания достаточно, чтобы дать представление о разнообразии подходов внутри когнитивной парадигмы. Поэтому наше дальнейшее изложение больше всего будет напоминать своего рода панораму идей и результатов когнитивной семантики; некоторая его гетерогенность имеет естественные объяснения и оправдания.

Многие — например, Р. Лэнгекер, Ч. Филлмор, Б. Рудзка-Остин — считают теоретиком когнитивной семантики и А. Вежбицкую. Мы, однако, отказались от идеи обсуждать концепцию А. Вежбицкой в настоящем обзоре, хотя включение ее в когнитивную парадигму кажется нам абсолютно верным и естественным. Работы А. Вежбицкой у нас достаточно хорошо известны (кажется, гораздо лучше, чем на Западе), они широко цитируются, многим из них посвящены специальные статьи и рецензии: [Фрумкина 1989: 46–51; Бурас, Кронгауз 1990; Фрумкина 1990; Бурас, Кронгауз 1992; Фрумкина 1994; Фрумкина 1995; В. Ю. Апресян 1995; Плулунгян, Рахилина 1996], ср. также предисловие Е. В. Падучевой к сб. [Вежбицкая 1996].

2. ТЕОРИЯ: ИДЕИ, ПОНЯТИЯ, ГИПОТЕЗЫ, ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

2.1. СЕМАНТИКА И КОГНИТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Автор книги с таким названием — Рей Джэкендофф; в ней, в частности, обосновывается связь семантики с другими науками, описывающими когнитивные способности человека, прежде всего, психологией [Jackendoff 1983]⁶. Идея эта является центральной для всего направления когнитивной лингвистики, она обсуждается во многих фундаментальных работах этого направления (ср. например [Langacker 1987]). Утверждается, что при восприятии речи человек использует те же механизмы, что и при восприятии вообще — зрительном восприятии или восприятии, скажем, музыки. Отсюда небывалый всплеск интереса к пограничным областям лингвистики

конье; специально обратим внимание на исследователей, использующих материал славянских языков: Б. Рудзка-Остин, Л. Янда, А. Ченки.

⁶ Другая его книга того же плана — [Jackendoff 1987]. Важным направлением деятельности Джэкендоффа (см. в особенности [Jackendoff 1990]) является разработка метаязыка для семантического представления предикатов, «настроенного» над теорией семантических ролей Хомского (*theta-roles*). Среди когнитивистов Джэкендофф во многих отношениях идеологически остался наиболее близок хомскианству.

и ее ближайшим соседям — герменевтике, гештальт-психологии, когнитивной психологии: соответствующая литература широко цитируется в лингвистических работах, заимствуются термины и понятия, ср. *фон/фигура*, правила предпочтения и т. д., ср. здесь также роль теории прототипов, возникшей в рамках гештальт-психологии и получившей мощное развитие в лингвистике (подробнее о прототипах см. раздел 2.3). Такой подход исключает автономность лингвистики как науки, и, конечно, тем более исключает автономность ее отдельных областей — таким образом, в рамках когнитивной парадигмы отрицается автономный синтаксис. С другой стороны, если речь идет о каких-то общих с внеязыковыми правилами или хотя бы общих принципах, на которые эти правила опираются, то это должны быть семантические правила — следовательно, внутри лингвистики когнитивный подход естественным образом предполагает главенство семантики (когнитивной семантики), которая определяет поведение лексем, их частей и сочетаний, конструкций, предложений и т. д. Соответственно, общие и частные семантические исследования должны в конечном счете объяснить соответственно, поведение языковых единиц. При этом требуется, чтобы объяснения опирались на достаточно общие «человеческие» механизмы, т. е. были антропоцентричны. И здесь, как нам кажется, происходит «встреча» когнитивной семантики с отечественной традицией. Разница только в том, что идея антропоцентричности языка в когнитивной семантике оказывается как бы «навязанной сверху»: она следует из базовых положений теории, и из нее должны исходить лингвистические исследования. В более привычной нам парадигме (куда, по-видимому, естественно включить и работы А. Вежбицкой) антропоцентричность языка была открыта в процессе глубоких семантических исследований, — т. е. «внутри» лингвистики, и это создало новые возможности для расширения ее границ (подробнее об этом см. также [Алпатов 1993]).

Прежде чем переходить к освещению собственно семантических проблем в когнитивной парадигме, мы хотели бы кратко остановиться на тех вопросах, которые в отечественной традиции обходятся как темы почти запретные. Речь идет о природе языка как такового, и здесь есть два главных вопроса: является ли язык врожденной системой и является ли он системой порождающей. Поиски ответа на первый вопрос занимают Р. Джэкендоффа как последователя Хомского. С одной стороны, его интересуют эксперименты с животными. Оказывается, что даже самые успешные

из них не дают ожидаемого эффекта: обезьяна способна обучиться лишь весьма ограниченному набору бесконечно повторяемых ею фраз. С другой стороны, его внимание привлекают эксперименты с детьми (поставленные самой жизнью), обучение которых языку началось по тем или иным причинам в зрелом возрасте. Их результаты говорят о том, что у человеческой способности к овладению языком есть некоторый возрастной порог. Далее в качестве аргументов в пользу врожденности языка Джэкендофф привлекает факты нейропсихологии, психолингвистики и других пограничных дисциплин.

В принципе, решение такой проблемы как врожденность языка действительно можно было бы «отложить на потом» и вынести за рамки сегодняшней лингвистики. Но от того, какое предполагается решение, зависит взгляд на многие конкретно-языковые проблемы. Если язык – вещь врожденная, то носитель языка, скорее всего, многие языковые единицы помнит в готовом виде, а не порождает по тем многочисленным правилам, над выявлением которых работают лингвисты, причем помнить целиком он может не только исключения (скажем, морфологические), но и, по мнению одного из ярких представителей когнитивного направления Дэвида Тагги, то, что принято считать, так сказать, лингвистически вычислимым. По мнению Тагги (высказанному им на V Международной конференции по когнитивной лингвистике в Амстердаме), механизмы порождения и памяти в языке очень часто действуют параллельно и одновременно, а не исключают один другой: человек может вспоминать готовые формы как бы опираясь на процедуру их порождения. (С этой точки зрения традиционная лингвистика оказывается несколько избыточной и, пожалуй, достаточной схоластической наукой: в самом деле, зачем описывать правилами то, что человек и так помнит в готовом виде, но... истина, безусловно, дороже.)

2.2. О СООТНОШЕНИИ СЕМАНТИКИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Общезвестно, что для семантических исследований вопрос о соотношении семантики и действительности чрезвычайно важен, потому что он касается предмета исследования этой области лингвистики. С точки зрения теоретиков и практиков когнитивной семантики (см. прежде всего [Jackendoff 1983; Langacker 1987; 1988; 1991a; Talmy 1983; Cienki 1989; Casad 1988]) действительность «проецируется» в семантику естественного языка, и полученная языковая картина («projected world», по Джэ-

кендоффу) отличается от мира действительности. Это объясняется, во-первых, специфическими особенностями человеческого организма (например, человек видит свет и цвет, и поэтому они есть в языковой картине мира, — но не видит рентгеновские лучи, и они в ней не отражены). Во-вторых, как известно, одну и ту же ситуацию носитель языка может описывать по-разному. Исходный набор параметров ситуации (или соответствующих им семантических признаков) при этом остается одним тем же, но какие-то из них акцентируются, а какие-то — затушевываются; в этих случаях Р. Лэнгекер говорит о «г р а н я х» (facettes) ситуации или языковой единицы, ее символизирующей. Например, сравнивая предложения:

Bill sent a walrus to Joyce (Билл послал моржа <к> Джойс)

и:

Bill sent Joyce a walrus (Билл послал Джойс моржа),

он (как бы в целом соглашаясь с генеративистами, порождающими эти предложения из одной и той же глубокой структуры, — предлог *to* при таком описании либо вставляется, либо опускается чисто механически), признает их в каком-то смысле семантически эквивалентными, но с акцентом на разных гранях — в первом случае, на, так сказать, пути следования моржа, а во втором — на новом посессивном отношении. (О «гранях» см. также ниже, раздел 2.5 «Профиль и база».)

Наконец, языковая картина мира отличается от мира действительности в силу специфики конкретных культур, стоящих за каждым языком. В конкретном языке происходит *конвенционализация* [Langacker 1987; Casad 1988] — как бы негласное коллективное соглашение говорящих выражать свои мысли определенным образом. Например, в языке кора (Мексика, юто-ацтекская семья) для того, чтобы сказать *Свеча сгорела* нужно глаголу *гореть* приписать два пространственных префикса — со значением 'внутри' и 'вниз'. (Этот факт обсуждается в [Casad 1988], где ему дается вполне логичное объяснение: говорящие на кора сводят процесс горения свечи к горению ее фитиля, которое происходит внутри свечи сверху вниз.) Таким образом, утверждается, что семантики разных языков должны быть разными, однако трудно сказать, существуют ли определенные гипотезы о природе этих различий, подобные, например, универсально-семантическому уровню над конкретно-языковыми семантиками (ср. [Апресян 1980]) или, тем более, теории «семантических примитивов» в духе А. Вежбицкой (ср. [Wierzbicka 1972; Goddard, Wierzbicka 1994]).

В терминах Л. Талми процесс отражения действительности в языке называется *схематизацией*; он сравнивает его с условностями детского рисунка, в котором натура, так сказать, *идеализирована* [Talmy 1983]. Л. Талми интересуется прежде всего схематизация пространства. Чтобы оценить его вклад в разработку этого фрагмента семантики, нам придется совершить небольшой исторический экскурс.

Семантика размеров традиционно описывалась в рамках компонентного анализа, где, например, горизонтально вытянутые объекты получали помету [+ длинный], не вытянутые — [- длинный], вертикально вытянутые — [+ высокий], и т. д. Для того чтобы приписать семантические признаки такого рода, нужно было бы, вообще говоря, произвести полный геометрический обзор объекта как он есть. Между тем, уже в 1967 г. в пионерской статье М. Бирвиша [Bierwisch 1967] было показано, что самых тщательных измерений будет недостаточно для того, чтобы предсказать сочетаемостные свойства прилагательных размера типа *длинный*, *высокий* и под.: так, водосточная труба (в отличие от обычной, например, заводской) описывается не как *высокая*, а как *длинная* (см. подробнее [Апресян 1974: 58–59]). Предлагалось усложнить признаковое описание, добавив к определению ‘высокий’ идею независимого положения объекта; этот дополнительный признак позволил бы измерять, например, у водосточной трубы, прикрепленной к стене, не «высоту», а «длину» (как у несамостоятельного объекта).

Однако и такой принцип решения проблемы семантики пространства (пошаговое усложнение картины описания, ориентированное на каждый частный случай, конкретный объект, когда новые признаки могут вводиться *ad hoc*, немотивированно) не может считаться полностью удовлетворительным⁷, и Л. Талми предлагает совершенно иную пространственную модель. Он считает, что

---

⁷ Подробнее о трудных случаях описания размеров в русском языке см. нашу работу [Рахилина 1995]. Обратим здесь внимание на то, что случай с водосточной трубой может быть описан совершенно иначе: дело в том, что высокие объекты, подобно человеку, «стоят», т. е. закреплены снизу и видятся снизу вверх (наблюдатель внизу), тогда как, например, глубокие — сверху вниз (наблюдатель как бы мысленно опускается на дно). Обычные трубы, столбы, деревья расположены подобно стоящему человеку, т. е. закреплены снизу и не имеют верхней опоры. Водосточная же труба в каком-то смысле свисает со стены или крыши и поэтому должна измеряться сверху вниз (как, например, веревка); ср. здесь ноги человека или лапы животного, которые тоже описываются как *длинные*, а не *высокие*, но колонны здания (даже упирающиеся в портик) — всегда *высокие* (взгляд снизу вверх).

геометрия Евклида, которую лингвисты усвоили в школе, и связанная с такими понятиями, как размер, расстояние, длина, угол и под., не имеет отношения к языковой картине мира. В языке человек измеряет не отдельные параметры объекта, а объект целиком, относя его к тому или иному топологическому типу (круглые, плоские, вытянутые, бесформенные объекты, и т. п.). С точки зрения Л. Талми, именно топологические типы «организуют» языковое пространство и служат в нем ориентирами.

З а м е ч а н и е. Языковая модель отличается не только от самой действительности: она так своеобразна, что обычно отличается и от всех предлагаемых *моделей действительности*. Это обстоятельство живо продемонстрировано Р. Джэкендоффом и Б. Ландау в известной статье «Язык пространства и осмысление пространства» (Spatial language and spatial cognition), затем включенной в книгу [Jackendoff 1992]. Авторы отталкиваются от двух моделей. Первая предложена Д. Марром [Marx 1982]. В ней видимые объекты как бы складываются из объемных форм разных размеров. Легче всего представить себе модель человека по Марру: подвижную куклу, составленную из отдельных, но связанных между собой вытянутых цилиндров (похожая модель, несколько более усовершенствованная по сравнению с Марром, описана также в работе [Biederman 1987]). Идея Джэкендоффа состоит в том, что эти грубые модели (в чем-то похожие на наивную скульптуру, но в общем верные с точки зрения действительности, т. е. отображения формы, размеров и структуры объектов), тем не менее весьма далеки от того, чтобы служить адекватной *языковой* моделью мира. Во-первых, языковая модель мира ориентирует каждый объект в пространстве относительно себя самого (отсюда такие понятия как «перед», «бок», «верх», «низ» и под.) и относительно других объектов. Для языка важно не только, что это за объект, но и как и где он расположен, движется он или находится в покое, является фоном или фигурой и под. — говоря словами авторов статьи, не только *what*, но и *where*. Другое свойство языковой модели мира — ее особенная лабильность, позволяющая совмещать логически несовместимое. Так, с той же легкостью, что и обычные части у языковых объектов, выделяются так называемые отрицательные части (*negative parts*, ср. также [Herskovits 1986]). Обычные части — это «добавленная» субстанция, а отрицательная — «вынутая» из объекта, ср. *дыра, проем* и под. в качестве отрицательных частей таких объектов, как *яма, дверь, пещера* и др. То же безразличие к материи, субстанции проявляется в языке и когда один и тот же объект получает одновременно несколько языковых представлений. Хороший пример такого рода — лексемы типа *озеро*, которые вообще-то обозначают емкость (ср. *в озере*), но, например, в таких сочетаниях, как *по озеру*, полностью теряют свой объем (*thickness*) и оказываются плоскостью. Таким образом, когнитивная семантика предлагает модели фрагментов языковой картины мира: они будут разные для разных языков, но они сопоставимы, и их сопоставление и есть та

задача, на которой исследователи ставят акцент. Отметим в связи с этим контрастные исследования по семантике грамматических категорий, словообразованию и лексике, такие как [Rudzka-Ostyn 1985; Taylor 1988; Cienki 1989; Janda 1993] и мн. др. Нам кажется, что нельзя не упомянуть здесь и давнюю, но недостаточно известную у нас работу Л. Талми [Talmy 1975] по типологии глаголов движения, выполненную на материале большого числа языков. Идея этой работы состоит в том, чтобы проследить, какими средствами (корень, приставка, послелог и т. п.) кодируются в языках два основных семантических компонента глагола движения: тип движения и его ориентация.

2.3. ПРОТОТИПИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Это — одна из «психологических» идей Э. Рош [Rosch 1977; Mervis, Rosch 1981], вызвавшая огромный резонанс в лингвистике, целые потоки статей и книг «за» и «против». Суть ее в том, что человек воспринимает любую семантическую категорию как имеющую центр и периферию и, следовательно, имеющую «более прототипических» и «менее прототипических» представителей, связанных между собой отношениями «семейного сходства» (*family resemblance*)⁸. Так, малиновка и воробей попадают, скорее, в число прототипических птиц, тогда как страус и курица — на периферию «птичьей» категории.

После открытия Рош, которая связывала идею прототипа только с исследованиями языковых классификаций <предметной> лексики, были сделаны попытки статистически «посчитать» категориальные прототипы в языке, т. е. с помощью достаточного количества испытуемых определить, каковы в сознании носителя языка прототипические фрукты, чашки, болезни и т. д. Эта задача оказалась довольно сложной и, видимо, как часто случается со статистическими методами в лингвистике, малокорректной, ведь результаты даже самых аккуратных подсчетов все равно требовали своего объяснения. Во-первых, выяснилось, что в разных языках прототипическими могут являться разные представители категории, например, прототипический фрукт для американца — апельсин, тогда как для русского, скорее, яблоко. Во-вторых, не-

---

⁸ Первые работы Э. Рош были посвящены цветообозначениям, и первые гипотезы касались психологии восприятия цвета: к некоторым цветам человек более восприимчив, чем к другим, в силу специфики устройства своего перцептивного аппарата. Впоследствии область применения психологической гипотезы оказалась значительно уже, чем само понятие прототипа. Подробное изложение и критику работ, идей и экспериментов Э. Рош см., в частности, в [Wierzbicka 1985; Geeraerts 1988b; Фрумкина 1991].

известно, оттого ли малиновка оказывается для носителя английского языка наиболее частотной птицей, что именно она концентрирует в себе максимум «птичьих» свойств или потому, что это особая птица в культуре Англии (ср., например, день малиновки, восходящий к дохристианским временам, народный и детский фольклор *Mother Goose Rhymes*, и т. п.) и почему по опросам информантов именно рак является прототипической болезнью — не потому ли, что это просто самая страшная и, тем самым, маркированная, а вовсе не прототипическая болезнь?

Критика статистического понимания прототипа дается, например, в [Geeraerts 1988b]; Д. Герартс, в частности, замечает, что выводить прототип из факта частотности означает ставить телегу впереди лошади: не потому яблоко, в отличие от манго, прототипический фрукт, что оно чаще встречается в текстах, а оно чаще встречается потому, что является прототипическим, в отличие от манго.

Между тем, попытки как-то использовать статистический потенциал понятия прототипа и даже расширить область его применения продолжались и продолжают, пожалуй, до сих пор. Хорошо известны работы В. Лабова (одна из них даже переводилась, см. [Лабов 1983]), посвященные поискам прототипических свойств предметной лексики, когда испытуемые должны были выбирать уже не вид фрукта, животного, птицы и т. п., а <референциальные> свойства, существенные, например, для определения чашки (наличие ручки, размер доньшка в соотношении с высотой и под.). Тем самым, работы Лабова и им подобные претендовали уже на статус исследований по лексической семантике. Такой «арифметический» подход к семантике был подвергнут сокрушительной критике в книге [Wierzbicka 1985]. Действительно, при всем психологизме когнитивного подхода, он опирается (или должен опираться) не на индивидуальные свидетельства отдельных испытуемых о данной языковой единице, а на опыт всех носителей, закрепленный в языке, а этот опыт проявляется в языковом поведении лексемы, и прежде всего — в ее сочетаемостных свойствах. Что же касается информантов Лабова, то они, вероятнее всего, исследовали не языковые единицы, а соответствующие им референты, что, безусловно, не одно и то же.

Понятие прототипа пытались формализовать и, тем самым, придать ему больше «научного веса». Инструментом для этого были выбраны *размытые множества* Заде ([Zadeh 1965]). Однако, как убедительно показал Р. Джэкендофф [Jackendoff 1983: 116], в качестве математической модели прототипа размытые множества

имеют недостатки — пингвин, например, ведь не является на 71% птицей, а на остальные 29% — кем-то еще. Он просто птица, несмотря на свою периферийность и непрототипичность.

Таким образом, прототип остался в статусе неформального понятия (впрочем, в лингвистике это не единственный случай) и сугубо теоретического (если признавать сомнительность его статистических приложений). Скептик мог бы понизить его до научной метафоры, но это не меняет дела: прототип уже довольно долго «держится на плаву», не исчезая из лингвистического узуса. В таком случае, какую лингвистическую реальность он отражает?

В семантических теориях значение представляли как множество семантических признаков или как текст на семантическом метаязыке. Однако и в том, и в другом случае разные фрагменты семантического представления оказывались равноправны: вся семантическая информация, включенная в толкование языковой единицы, автоматически признавалась одинаково значимой — в отличие от той (например, энциклопедической) информации, которая оказывалась за его пределами. Но интуитивное представление о языковом концепте состоит в том, что он объединяет признаки и свойства разного веса — эту идею в семантику впервые «впустила» Э. Рош.

Интересными представляются рассуждения Д. Герартса о том, почему языковые концепты устроены прототипически, т. е. неравномерно, по принципу центр-периферия. Одно из открытий когнитивной психологии состоит в том, что когнитивная деятельность требует сочетания двух принципов: структурной стабильности (*structural stability*) и гибкой приспособляемости (*flexible adaptability*). Иными словами, для ее эффективности, с одной стороны, требуется — по крайней мере на какое-то время — сохранять постоянный способ организации системы категорий, а с другой стороны, система должна быть достаточно гибкой, чтобы иметь возможность приспособливаться к изменениям. Прототипическая организация значения оптимальным образом удовлетворяет этим требованиям, потому что прототип имеет сильный стабильный центр, позволяющий носителям языка легко выделять прототипические значения и отличать их друг от друга, и более аморфную, подверженную изменениям, *зависимую* (*dependent*, в терминологии Б. Хокинса [Hawkins 1988]) периферию.

2.4. ФИГУРА И ФОН (FIGURE AND GROUND)

Это противопоставление, как мы уже говорили, тоже пришло в семантику из гештальт-психологии, см. [Paprotté 1988: 458 и след.]); в лингвистический обиход его ввел замечательный американский типолог Леонард Талми [Talmy 1978].

Известно, что человек воспринимает и членит действительность, так сказать, неравномерно: какая-то информация является для него базовой, исходной, а какая-то — новой, наиболее значимой в настоящий момент. В лингвистической теории это противопоставление связывалось с точкой зрения говорящего на ситуацию, которая в этом случае становится обязательной, но переменной характеристикой этой ситуации: то, что для одного говорящего (или для данного говорящего в данный момент) важно, для другого (или для того же, но, скажем, через некоторое время) уже не важно. Для отражения этого феномена была построена теория коммуникативной организации текста, в которой, в разных ее ветвях и направлениях, использовались такие пары понятий, как данное — новое, тема рема, топик — фокус, и под. (иногда несколько пар одновременно). Важнейшее (и очень естественное) свойство объекта этой теории — его, так сказать, принципиальная нежесткость: то, что было новым, легко становится старым, тема переходит в рему и под. (вспомним здесь хотя бы пассивизацию, которая как раз происходит из-за такого рода смены точки зрения говорящего).

Между тем, подобные переходы осуществимы далеко не всегда. Л. Талми обратил внимание на, если так можно сказать, лексическую заданность распределения внимания говорящего в некоторых контекстах. Так, из двух предложений:

The bike is near the house (Велосипед рядом с домом)

и

[?]The house is near the bike ([?]Дом рядом с велосипедом)

очевидным образом, второе гораздо менее удовлетворительно и как минимум требует дополнительных контекстных условий для того, чтобы стать сколько-нибудь приемлемым. Причем такого рода несимметричность никаким образом не может быть исправлена, потому что она встроена в лексическую систему языка: во всякой ситуации говорящий различает движущиеся (или потенциально движущиеся) объекты — *фигуры* и неподвижные — они образуют *фон*, на котором движутся фигуры. Это противопоставление легко переносится из пространства во время: событие (фигура) может происходить во время некоторого процесса (являющегося фоном), но не наоборот, ср.

[?]Shah Rukh ruled Persia through/around Christ's crucifixion

(² *Шах Рух правил Персией во время распятия Христа*)

И у фигур, и у фона есть свои свойства: так, фигуры мобильны (во времени и пространстве), они имеют пространственные или временные границы (объект на фоне пространства, факт на фоне процесса), тяготеют к определенности, ср. примеры А. Херсковиц [Herskovits 1986]:

The house is near the church — *A house is near the church

(в случае неопределенности требуется специальная экзистенциальная конструкция: *There is a house near the church*).

Характерным фоном, наоборот, являются неподвижные, громоздкие объекты, не обязательно определенные и часто не имеющие пространственных или временных границ. (Л. Талми отмечает интересные корреляции между типами фигур и фона в разных грамматических классах — в частности, эквивалентность между исчисляемыми существительными и глаголами-событиями, с одной стороны, и между неисчисляемыми существительными и глаголами-процессами/состояниями, с другой; при этом в языке могут существовать специальные грамматические средства, преобразующие элементы одного класса в элементы другого, ср. англ. конструкции типа *give a cry* или русские сингулятивы типа *солом-ин-а*, ср. [Talmy 1988].)

Понятие фона-фигуры нашли применение в первую очередь в многочисленных работах, посвященных описанию семантики предлогов (например, [Herskovits 1986]), и в каких-то случаях они действительно помогают исследователю объяснить ограничения на употребление предложных конструкций, потому что предлоги всегда создают неравномерность в картине мира, ориентируя один предмет или событие относительно другого. Кроме того, это понятие используется и в работах по аспектологии (ср. [Paprotte 1988]).

Сам же Л. Талми считает фон-фигуру удачным дополнением (а при некотором развитии этой идеи и альтернативой) системе падежей Ч. Филлмора (см. подробнее [Talmy 1978: 641–648]), отмечая в качестве недостатка системы филлморских падежей то, что в ней все падежи как бы равноправны, — в частности, мобильные (агенса, инструмента, пациента) никак не противопоставлены статическим (источнику, конечной цели, маршруту, местоположению)⁹.

---

⁹ Как мы уже говорили, Л. Талми много занимался типологией организации пространства в языках мира и глаголами движения; для задач этой области семантики, возможно, обобщение филлморских ролей удобно, но вряд ли ими

2.5. ПРОФИЛЬ И БАЗА (PROFILE AND BASE). АКТИВНАЯ ЗОНА (ACTIVE ZONE)

Профиль и база — это еще одна иерархия внутри семантического представления. Она предложена Р. Лэнгекером в рамках его теории «когнитивной грамматики» [Langacker 1987; 1988; 1991a; 1991b].

Роналд Лэнгекер — крупнейший теоретик и один из основателей когнитивной семантики как направления. Его когнитивная грамматика — это довольно своеобразная работающая модель языка, которую, конечно, изложить в данном обзоре полностью невозможно, тем более, что Лэнгекер очень много публикуется, особенно в последнее время (ср. [Langacker 1993a; 1993b; 1994; 1995a; 1995b] и др.). Поэтому здесь мы рассмотрим только некоторые самые общие идеи и понятия, которые, как нам кажется, выходят за рамки одной модели.

В когнитивной грамматике значения языковых единиц изображаются в виде схем — вспомним *схематизацию* и *идеализацию* Л. Талми, уподоблявшего наши представления о действительности детскому рисунку. Так вот, Р. Лэнгекер действительно р и с у е т семантику; каждый такой рисунок помещен в квадратик (*box*¹⁰), и в грамматике имеется способ связывать квадратики (т. е. отдельные фрагменты семантического представления) между собой, так, чтобы в результате из фрагментов получалась цельная результирующая картинка, соответствующая фразе, предложению и т. д. К сожалению, мы вынуждены оставить в стороне и всю технику этой процедуры, и ее содержательные аспекты, и связанную с ней терминологию (как например, понятие *валентности*), в надежде посвятить теории Лэнгекера отдельную публикацию.

можно обойтись при классификации предикатов в целом, когда канонического инвентаря ролей как правило, наоборот, не хватает.

¹⁰ По шутливому замечанию Ч. Филлмора по поводу *boxes* в грамматике Лэнгекера (а также тех, что используются в его, Филлмора, собственной теории конструкций, о которой см. ниже) новым теориям и представлениям своих знаний современная лингвистика во многом обязана успехам компьютерной фирмы «Apple», которая, наконец, дала возможность лингвистам перейти от однообразия скучных стрелок и узлов, в изображении которых прошло как минимум 30 лет, к квадратикам и картинкам, обозначившим начало новой эры в семантике.

Картинки эти в большей или меньшей степени схематичны, в них используются условные обозначения и пометы. Так, участники ситуации обычно обозначаются кружками, и при каждом таком кружке (рядом или внутри) пометается его роль: *TR* — движущийся объект (*trajector*), *LM* ориентир (*landmark*), *V* — наблюдатель (*viewer*), *R* — реципиент (*recipient*), и др.; кроме того используются стрелки, сплошные и пунктирные линии соединения, и т. д. Надо отметить, что схемы всегда снабжены подписями, и, в общем, привыкнуть к ним и даже научиться рисовать нечто похожее, может быть, даже не сложнее, чем привыкнуть к деревьям зависимостей. Но самое существенное, пожалуй, — это то, что в каждой схеме некоторая часть всегда оказывается выделенной (т. е. нарисована жирным) по сравнению с остальными, и это и есть *профиль* языковой единицы, а все остальное — ее *база*. Простой пример: слово *гипотенуза*; в системе Р. Лэнгекера она изображается так, что профилем оказывается соответствующая сторона треугольника, а сам он — базой [Langacker 1988: 59] (см. рис. 1).

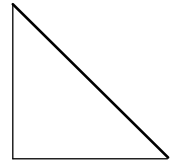
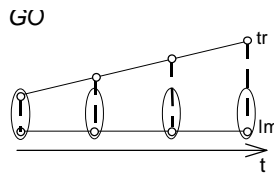
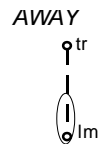

Рис. 1

Более сложный пример: английское слово *away* ('прочь') изображается на картинке в виде отношения между <потенциально> движущимся объектом и точкой отсчета: объект находится в точке, максимально удаленной от области точки отсчета; при этом в с я картинка оказывается профилем так же, как и при изображении процесса, обозначаемого английским глаголом *go* ('идти') [Langacker 1988: 62]:

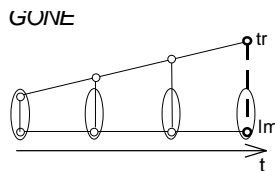

Дей. 2

Дей. 3

Здесь нарисована последовательная смена состояний во времени, причем каждое последующее состояние описывает большее удаление объекта от точки отсчета, в области которой объект исходно находился — и все эти состояния, по мнению Р. Лэнгекера, составляют профиль процесса¹¹. А вот для причастия *gone* профилем будет только результирующее состояние (тождественное отношению, описываемому наречием *away*), а все остальное — база [Langacker 1988: 62] (дѐл. 4).

Дѐл. 4

Теперь попробуем ответить на вопрос, что же моделирует противопоставление профиль-база, т. е. как бы «перевести» эти понятия с языка грамматики Лэнгекера в более традиционную для нас парадигму рассуждений. Вообще говоря, это задача довольно трудная, потому что привычная нам семантическая традиция (будь то Московская семантическая школа или лексикография А. Вежбицкой) ориентирована прежде всего на максимально подробное описание («портретирование») индивидуальной лексической единицы или группы таких единиц.

Что же касается западной научной парадигмы, то там до последнего времени лексикография существовала как бы вне работающей модели языка; ведь модель призвана отражать системно организованную грамматику, а словарь, в отличие от нее — это, по характерному выражению из одной генеративистской работы (посвященной, между прочим, проблемам описания структуры слова), «вещь чрезвычайно скучная; ... он как тюрьма: в нем только нарушители» (the lexicon is incredibly boring by its nature. ... The lexicon is like a prison — it contains only lawless...) [Di Sciullo, Williams 1987]. Равнодушие к «личностям нарушителей» приводит к тому, что, даже непосредственно обратившись к проблемам лексической семантики, западная лингвистическая традиция ищет здесь систему и правила, мыслит классами слов и хочет видеть между ними общее. Поэтому предлагаются не точные и подробные толкования, а только условные схемы толкований — зато такие, которые можно сравнивать друг с другом. Причем сравнивать можно не одни лишь близкие синонимы, но и, с лексикогра-

¹¹ Обратим внимание, что в данном случае в профиль процесса попадают и движущийся объект (по Талми — фигура), и точка отсчета (по Талми — фон); таким образом, противопоставление фон/фигура по своим результатам не совпадает с противопоставлением база/профиль; впрочем, как будет ясно из дальнейшего изложения, и концептуально это разные вещи.

фической точки зрения, просто разные вещи (как например, глаголы движения и глаголы чувства, и даже, как мы видели, глагол *go* и наречие *away*). Профиль и база Р. Лэнгекера дают одно из оснований для такого сравнения. Профиль выделяет в семантике слова ту *г р а н ь*, которая описывает самый грубый ее контур (отсюда и выбор термина), например, что-то вроде таксономического класса для имен (*classroom* — классная комната, *bedroom* — спальня и *dining-room* — столовая будут иметь один и тот же профиль, см. [Hawkins 1988: 250]) или семантического типа для глаголов (примером семантического типа могут служить глаголы процесса; определение процесса дается, в частности, в [Langacker 1987: 244–275]). В каком-то смысле это расширение идеи топологических типов Л. Талми (см. раздел 2.2) на всю область семантики: в своем восприятии концептов человек оперирует не отдельными семантическим признаками и их множествами, а цельными образами — контуры, или профили этих образов дают возможность носителю языка проводить аналогии между разными концептами, сравнивать их, заменять один на другой в метафорических контекстах (подробнее см. раздел 2.6).

Еще одна *г р а н ь* семантического представления, выделяемая в когнитивной грамматике Р. Лэнгекера, — *активная зона* [Langacker 1984; 1991a: 189–201]; это понятие близко к знакомой нам (*семантической*) *сфере действия* [Богуславский 1985]: активная зона в семантическом представлении лексемы не существует сама по себе, а возникает в контекстном употреблении, причем в зависимости от контекста активизироваться могут разные аспекты семантики лексемы. Простой пример: у имени *box* 'ящик, коробка' в контексте предлога *in* 'в' активизируется то, что связано с внутренней частью емкости, а в контексте предлога *on* 'на' — то, что связано с ее поверхностью (как правило, верхней). Частным случаем активной зоны является, по-видимому, ассерция (противопоставленная пресуппозиции): активной зоной предикатного выражения в контексте отрицания окажется его ассертивный компонент.

2.6. МЕТАФОРА

Теория метафоры Дж. Лакова и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987] достаточно хорошо известна; поэтому мы здесь ее излагать не будем, а кратко остановимся на месте этой теории в когнитивной семантике.

При «проецировании» реальной действительности в язык человек сравнивает и отождествляет разные конкретные объекты, опираясь, в частности, на представления об их топологических типах (см. выше, раздел 2.2). Оперирова абстрактными понятиями, человек делает то же самое (ведь когнитивная деятельность, как мы помним, едина в разных своих проявлениях), а именно, сравнивает и отождествляет абстрактное с конкретным: мы говорим *письмо пришло*, употребляя глагол, описывающий пешее перемещение человека, по отношению к неодушевленному объекту, обнаруженному в почтовом ящике. Но каким образом мы выбираем именно этот глагол? Мы знаем, что то, что произошло с письмом на самом деле — это, по выражению Р. Лэнгекера, *абстрактное движение* [Langacker 1986; 1991a: 149–164], и мы сравниваем суть этого движения, его общую характеристику, а другими словами — *профиль этого движения* — с такими же общими характеристиками знакомых нам ситуаций конкретного движения: *прийти, убежать, войти* и под.; оптимальным образом «подходящим», т. е. тождественным по своему семантическому типу (профилю), оказываются глаголы прибытия, и среди них наиболее нейтральный — *прийти*. Это и есть в самом общем виде механизм метафоры. Он сродни аналогии, строящей и перестраивающей, как известно, морфологические системы языков; собственно, метафора — это и есть принцип аналогии, только действующий в семантике. Поэтому в когнитивной модели языка метафора занимает не периферийное, а центральное место. Действительно, если в структуралистской и постструктуралистской семантике лингвист мог себе позволить объявить, что он занимается основными значениями лексемы, а метафорические переносы оставляет «на потом», то с точки зрения когнитивиста практически все значения (даже грамматические) связаны друг с другом цепочкой метафорических переносов (см. в этой связи работы о значении падежей, показателей каузатива, глагольных префиксов и под., ср. [Rudzka-Ostyn 1985; Brugman 1988; Janda 1988; Tuggy 1988; Janda 1990] и др.).

Во всякой метафоре должны быть *донорская* и *реципиентная* зоны; скажем, глаголы движения могут употребляться в значении глаголов речи, тогда движение — это донорская зона для речи, которая, в свою очередь оказывается реципиентной¹². Донорская

---

¹² Исследование этой конкретной области действия метафоры в английском языке предлагается в [Rudzka-Ostyn 1988a]; термины *donor domain* и *recipient*

зона конкретна и антропоцентрична: для ее формирования, как известно, широко используется человек, в частности, его тело (ср. *горлышко, ручка* и т. д.), местонахождение в пространстве и движение (ср. *он в ярости/пришел в ярость*). Эта стратегия формирования донорской зоны предложена Дж. Лакоффом и описывается термином *embodiment* — тем самым делается попытка осмыслить некоторые общие процедуры метафоризации в естественных языках. Можно было бы спорить о том, является ли предложенная Дж. Лакоффом процедура метафоризации единственной или даже наиболее естественной для языка, т.е. всегда ли общей стратегией в таких случаях является именно переход от конкретного к абстрактному, но важно, что выбор донорской зоны считается мотивированным.

Таким образом, когнитивная семантика берется отвечать на до сих пор запретный вопрос о том, *почему*, или *каким образом* возникает то или иное значение. А это, в свою очередь, шаг к созданию *диахронической семантики* (из специалистов в этой области укажем прежде всего И. Свитсер и Д. Герартса, ср. [Sweetser 1990; Geeraerts 1986]), которая бы исследовала типологию и универсалии способов развития того или иного значения — тем самым, как отмечает Д. Герартс [Geeraerts 1988a: 660 и след.], лингвистика вновь обращается к своим историко-филологическим, «доструктуралистским» традициям. Он сравнивает работу И. Ван Гиннекена 1912 года и работу И. Свитсер 1984 года [Van Ginneken 1910–1912; Sweetser 1984] и показывает, что их подходы настолько близки, что полученные ими результаты можно сопоставлять. Свитсер исследует развитие концепта глагола ‘слышать’ — по ее наблюдениям, оно происходит по линии ‘слышать’ → ‘слушать’ → ‘обращать внимание’ (ср. русск. *Не слушай ты его!*) и, далее, ‘слушаться’. Производные же от корня с этим значением обычно значат ‘сообщение’, ‘знаменитость’, ‘слава’ (ср. русск. *слухи, на слуху*). В свою очередь, Ван Гиннекен обратил внимание на то, что прилагательные, описывающие восприятие на слух, легко используются и для обозначения других типов восприятия, например, для зрительного или тактильного (здесь русские примеры аналогичны голландским, ср. *громкие цвета, кричащая одежда, глухая крапива*). Соединив эти результаты, можно, вообще говоря, получить новый, по крайней мере, в виде правдоподобной гипотезы: что в языке (во всяком случае, в таком, который

---

domain, использующиеся в этой и других работах, посвященных метафоре, Б. Рудзка-Остин возводит к [Kittay, Lehrer 1981].

подчиняется правилам Ван Гиннекена и Свитсер) прилагательное со значением ‘громкий’ может характеризовать имя, обозначающее славу, знаменитость и их носителей, — ср. в этой связи русск. *громкая слава* или *шумная известность*.

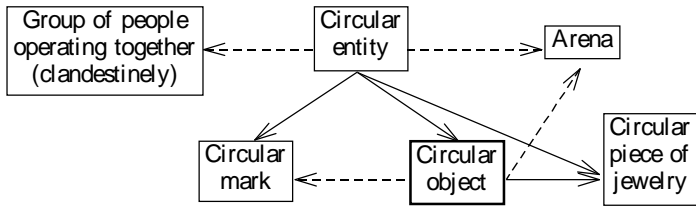
Таким образом, мы видим, что в когнитивной семантике метафора становится рабочим инструментом описания полисемии, причем (вполне в духе этого подхода) одновременно и в синхронном, и в диахроническом аспекте.

2.7. ОРГАНИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ. ПОЛИСЕМИЯ

Хорошо известны *инвариантные* теории организации значения; в основе всех этих теорий лежит общий тезис, согласно которому у всякой языковой единицы значение одно, но в зависимости от контекстных употреблений оно трансформируется. Противники этого подхода считают, что все многообразие контекстных употреблений свести воедино удастся довольно редко и те, кто ставит себе такую задачу, могут решить ее (в особенности, если речь идет о лексике частотной, и, следовательно, встречающейся в многочисленных и, как правило, разнообразных контекстах — такой, как предлоги, частицы и тем более грамматические показатели) только с помощью очень абстрактного описания, при котором инвариант оказывается настолько далек от каждого из конкретных употреблений языковой единицы, что сама необходимость его введения (не говоря уже о его объяснительных возможностях) становится по меньшей мере неочевидной. Но если считать альтернативой инвариантному описанию традиционно предлагаемое (например, в толковых словарях) простое перечисление (в принципе, неограниченного количества) значений — «списочное решение», то возникает вопрос, каким образом человек вообще ориентируется в этом множестве и почему все это разнообразие покрывается одной языковой единицей. Другими словами, даже если принять, что возможности человеческой памяти очень велики, практически безграничны, и человек может помнить сколь угодно большой словарь, то почему этот словарь организован с помощью отношений полисемии, когда было бы гораздо удобнее для каждого подзначения иметь свой способ выражения? Таким образом, оба решения проблемы полисемии — инвариантное и «списочное» — имеют довольно давнюю историю и каждое — свои изъяны.

Когнитивная семантика предлагает свой способ описания многозначности, в каком-то смысле промежуточный: введение инвариантного значения в лингвистическое описание считается в принципе допустимым, поскольку инвариант может существовать в сознании носителя, облегчая человеку восприятие концепта (хотя, вообще говоря, не у всякой языковой единицы можно обнаружить значение такого уровня абстракции [Langacker 1991a: 3]); инвариант, однако, не покрывает всего разнообразия употреблений языковой единицы — это только некоторая абстрактная идея, связанная с данным значением. Точно так же, не покрывает их и *прототипическое* значение — оно охватывает только самые типичные и частотные употребления. Но все значения и употребления не случайны и не произвольны — они семантически связаны между собой, так что каждое значение может «породить» одно или несколько новых, и в конечном счете они образуют «цепь» (chain) или «сеть» (network) значений данной языковой единицы¹³. Простой пример, иллюстрирующий такой способ описания, приводится во многих работах Р. Лэнгекера (см., например, [Langacker 1991a: 103]) — это организация значений английского слова *ring* ‘кольцо, круг, и т. п.’:

Дей. 5

¹³ Хорошо известная идея цепочечной организации значения ([Darmsteter 1887], подробнее см. [Апресян 1974: 182]) своеобразно преломляется в книге [Wierzbicka 1980], содержащей описание значений русского творительного падежа, где эта идея используется как альтернатива инвариантному подходу Р. Якобсона. Эта книга А. Вежбицкой, однако, как кажется, осталась абсолютно незамеченной на Западе (как, впрочем, и многие другие замечательные ее работы: характерно, например, что в книге Джэкендоффа с названием «Семантические структуры» [Jackendoff 1990], использующей к тому же понятие семантических примитивов, фамилия Вежбицкой ни разу не упомянута). В статьях, выполненных в традициях когнитивной семантики и посвященных описанию семантики конкретных лексических и грамматических значений в разных языках, в этой связи цитируются значительно более поздние работы Р. Лэнгекера, К. Ванделуза, Л. Янды и др.

На этом рисунке видно, что все значения слова *ring* связаны, причем всегда одним из двух типов отношений. Во-первых, это отношение *спецификации* (круг и кольцо — виды круглых предметов) — на рисунке эта связь обозначена сплошной стрелкой. Во-вторых, это отношение *расширения значения* (т. е., фактически, метафорического переноса); так, *арена* — не вид круглого предмета, потому что она, вообще говоря, может и не иметь круглой формы (например, боксерский *ринг*). Таким образом, отношения между значениями в схеме неравноправны, но неравноправны и сами значения: *круглое* или *круглый предмет* претендуют на «высшую» или исходную точку в схеме, где берут начало большинство стрелок (фактически — инвариант, но Лэнгекер не пользуется этим термином), а *кольцо* — на место прототипического, т. е. самого яркого и центрального значения.

Но сеть или цепочка значений для когнитивной семантики — это только начало теории полисемии; самое главное — возможность если не предсказать, то объяснить разнообразие значений. Так, Р. Тейлор, говоря о разнице когнитивной семантики и компонентного анализа, указывает, что, даже используя в своем описании декомпозицию (разложение на более элементарные семантические компоненты), он хочет видеть в полученной семантической картине цельность и причинность, т. е. отсутствие случайности как в организации каждого значения в отдельности, так и в организации подзначений в некоторое единство; критерием здесь служит не только и не столько простота описания, сколько его антропоцентричность [Taylor 1988].

Следовательно, важнейшей задачей когнитивной семантики оказывается описание *типов* или *способов* перехода от одного значения к другому; делается это на материале разных языков и разных значений — лексических, словообразовательных, грамматических в предположении, что здесь действуют общие семантические механизмы. В разделе 3.2 мы рассмотрим примеры такого рода исследований. Кроме того, ряд лингвистов занят восстановлением истории значения, т. е. того, как, в какой последовательности возникали различные новые подзначения; диахроническая картина выступает в этом случае как своего рода аргумент в пользу того или другого варианта синхронного описания. Напомним, что идея изоморфности синхронного и диахронного описания в свое время была очень популярна в морфологии и морфонологии (ср. в особенности работы М. Халле и др. в области «порождающей морфологии»). В тот период, однако, основной пафос исследователей (в соответствии с духом структуралистской парадигмы)

был скорее направлен на утверждение автономности диахронии и синхронии, тогда как аналогичные процедуры в когнитивной семантике, напротив, исходят из принципиального неразличения законов исторического развития языка и его синхронного устройства.

2.8. ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ (*CONSTRUCTION GRAMMAR*)

Ч. ФИЛЛМОРА

Чарлз Филлмор — пожалуй, один из самых ярких современных лингвистов. У него относительно немного работ, зато индекс цитирования его статей чрезвычайно высок, и это потому, что Филлмору удалось первому высказать несколько новых идей, ключевых для современной лингвистики причем сделать это так, что лингвисты самых разных направлений смогли их воспринять и затем использовать в своих исследованиях. Прежде всего, это падежная грамматика (знаменитые «глубинные падежи»: агенс, пациенс, место и т. д., см. [Fillmore 1968]); следующую по значимости идею выбрать труднее, но, наверное, это введение роли наблюдателя ситуации, — в связи с описанием значения глаголов *come* и *go* [Fillmore 1983].

В последних же по времени работах Ч. Филлмор предложил идею *конструкций*, т. е. таких языковых выражений, у которых есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы их составных частей (примерами конструкций могут служить такие языковые выражения, как обороты *let alone: He would not give me ten cents, let alone ten dollars* ‘Он не дал бы мне и десяти центов, не говоря уже о десяти долларах’, условные конструкции, сравнительные конструкции типа *He is as W as Y: Joe is as tall as Bill* ‘Джо такого же роста, как Билл’, и под.¹⁴). Оказалось, что и эта идея, хотя и предложена была независимо, вне рамок какой бы то ни было теории, прекрасно «встраивается» в круг современных воззрений западной семантики. Во-первых, она явным образом отталкивается от принятых традиций, и прежде всего, от синтаксиса Хомского, который в свое время [Chomsky 1981: 92] «отменил» конструкции, признав их *epiphenomenal* — выводящимися из общих правил; в действи-

---

¹⁴ Ср. следующие работы, посвященные описанию конкретных конструкций (обычно английского языка) и правил их употребления: [Fillmore, Kay, O'Connor 1988; Kay 1990; Fillmore, Kay 1992; Brugman 1983; Goldberg 1995].

тельности же для конструкций в грамматиках Хомского просто нет места, и по многим причинам. Например, конструкции отрицают известный принцип *композиционности* (аддитивности) языка, восходящий к Фреге и объявляющий, что значение всякого языкового выражения сводится к сумме значений составляющих его лексических единиц и синтаксических правил, их соединяющих. В самом деле, ведь конструкции тем и замечательны, что не сводятся к составляющим и отношениям между ними — в них, кроме того, есть еще *значение самой конструкции*, которое, в частности, накладывает те или иные ограничения на участников конструкции. Именно в силу этих ограничений в конструкции *Here is John* в качестве предикатов возможны только *be* 'быть', *come* 'приходить', *sit* 'сидеть', *stand* 'стоять', *lie* 'лежать' и иногда *hang* 'висеть' [Lakoff 1983]. (Ср. русск.: *Вот идет Иван*, при сомнительном *Вот читает [работает, пьет] Иван*.)

Во-вторых, грамматика конструкций отрицает какое бы то ни было противопоставление информации лингвистические значимой и факультативной, выводимой по стандартным правилам, «неинтересной»: конструкции могут вбирать в себя любой материал, в том числе и периферийные обстоятельства, наречия, определения и т. д., и везде правила оказываются достаточно нетривиальны.

В связи с этим обратим внимание на любопытное «метазамечание» А. Голдберг по поводу грамматики конструкций ([Goldberg 1995: 11 и след.]).

Распространенная логика лингвистических рассуждений говорит о том, что синтаксические правила строятся на основе лексических ограничений (*syntax is a projection of lexical requirements*). Этот принцип, в частности, эксплицитно выражен в Теории управления и связывания Хомского как принцип Проекции (Projection Principle) и в Грамматике лексических функций Бреснан. (Заметим, что в модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» или, например, функциональной грамматике, этот принцип также принят за основу.) Если (поверхностный) синтаксис отражает лексические ограничения, то прежде всего он должен отразить семантические роли глагола. Тем самым, глагол оказывается в центре синтаксической структуры, по аналогии с формальной логикой, описывающей отношения между предикатом и его аргументами: глагол — это такой *n*-местный предикат, «ожидающий» аргументов «правильного» типа. Однако в лингвистике при этом ходе рассуждений происходит, по мнению А. Голдберг, движение по порочному кругу: то, что глагол семантически является *n*-аргументным предикатом, устанавливается исходя из того, что у него *n* допол-

нений; в то же время говорится, что у него *n* дополнений, так как у него *n*-аргументная семантическая структура.

Если согласиться с А. Голдбергом, нужно признать, что грамматика конструкций, пожалуй, единственная теория, которая пытается из этого порочного круга выйти, потому что она исходной делает конструкцию, а не глагол; при этом глаголы с некоторым базовым значением могут легко встраиваться в эту конструкцию. Более того, проблема актантов и сирконстантов при такой постановке вопроса, вообще говоря, снимается: определенный набор аргументов (независимо от их статуса) может образовывать конструкцию, «годную» для того или другого класса глаголов и способную втягивать глаголы других классов. Обратим внимание еще раз на то, что сам взгляд на соотношение словаря и грамматики здесь, как и в западной лингвистике в целом, иной чем тот, к которому мы привыкли. Нет словаря, «штучных» лексем с их максимально нагруженным семантико-синтаксическим «обозом», а есть грамматика классов слов и типов их поведения.

В разделе 3.3 мы покажем, как конкретно эта процедура представляется А. Голдбергом.

3. НЕКОТОРЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В этом разделе мы остановимся на некоторых, с нашей точки зрения, наиболее интересных работах, выполненных в теоретических рамках когнитивной семантики и содержащих описание конкретного лингвистического материала.

3.1. СЕМАНТИКА ПРЕДЛОГОВ В РАБОТАХ А. ХЕРСКОВИЦ

Работы Аннетт Херсковиц по описанию английских предлогов начали публиковаться относительно давно: в 1986 году уже вышла ее книга [Herskovits 1986], которая чрезвычайно любопытна с точки зрения *модальности* постановки задачи. Книга написана человеком, который свободно владеет математическим аппаратом описания, много лет занимался формализацией представления лингвистической информации (сотрудничая, в частности, с такими известными специалистами в прикладных областях, как Д. Уилкс и Т. Виноград) — и

«вдруг» обнаружил, что к некоторым лингвистическим задачам этот аппарат неприменим. Открытие¹⁵ оказалось настолько поразительным, что автор на страницах книги вновь и вновь обсуждает это противоречие: с одной стороны, формальное описание языковых фактов, вообще говоря, было бы правильнее, ввиду того, что оно точно и эксплицитно описывает языковую картину; с другой стороны, если языковая картина покрывается этим описанием не полно, а вернее сказать, и вовсе не покрывается, то оно и не точно, и не эксплицитно, так лучше уж... неформальное описание.

Возьмем, например, английский предлог *on* 'на' и рассмотрим ситуацию, когда на столе лежит стопка из трех книг: сверху «Улисс», затем «История джаза» и самая нижняя — географический атлас (рис. 6).

Стандартное (и формализуемое) представление об этом предлоге предполагает контакт объекта X с поддерживающей его поверхностью Y (отсутствие контакта описывает ситуация 'над'). Действительно, носитель (как английского, так и русского языка) говорит, в соответствии с этим представлением: *стопка книг на столе; атлас на столе; «Улисс» на «Истории джаза»;* однако, в нарушение этого представления, мы говорим *«Улисс»/«История джаза» на столе* — и все это оказываются утверждения, не нарушающие языковой правильности. Вообще говоря, в таком случае можно было бы усовершенствовать формальное определение и (например, введя идею опосредованного контакта) добиться того, чтобы последний пример тоже формальным образом порождался и анализировался; трудность, однако, в том, что носитель языка думает, вероятно, принципиально иначе — в противном случае как объяснить, что мы говорим: *«История джаза» на столе* или: *«Улисс» на столе*, но никогда не скажем в этой ситуации: *«Улисс» на атласе*.

Обсуждаются и другие похожие примеры. Представим себе банку с крышкой, стоящую на столе. Нам не придет в голову описывать это как *крышка на столе*, хотя если бы вместо банки был, например, деревянный брусок той же формы и размера, то оба варианта — и *крышка на деревяшке*, и *крышка на столе*, может быть, в несколько разных условиях, но, тем не менее, оказались бы приемлемыми. Далее, если бы перед нами стояла ваза с фруктами, в которой горкой лежали бы, например, груши, мы бы

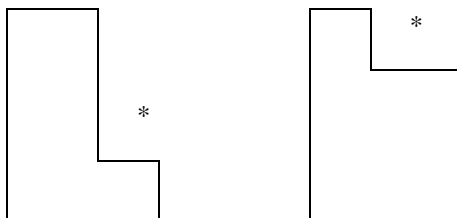
---

¹⁵ Сделанное, впрочем, видимо, вслед за Т. Виноградом: на шумевшая в свое время книга [Winograd, Flores 1985] содержала аргументы против алгоритмического подхода к описанию естественного языка.

сказали *груши в вазе* или: *Дай мне, пожалуйста, грушу из вазы — вон ту, верхнюю* — несмотря на то, что самые верхние груши уже не описываются формальным определением о том, что такое ‘в, внутри’ или ‘из’. Напротив, мы не говорим *хлеб в хлебнице*, если хлеб лежит на столе, накрытый хлебницей как перевернутой емкостью, или *лампочка под патроном* (*the bulb is under the socket*) — хотя в обоих этих случаях условия пространственного расположения предметов друг относительно друга полностью удовлетворяют определению, соответственно, ‘в’ и ‘под’. Вот кот залез в тумбу письменного стола — можно было бы сказать *кот в столе*, но если он оказался у нас под ногами во время обеда — он *под столом*, а не *в столе* — сколь бы «закрытой» ни была конструкция этого обеденного стола.

Подобных примеров в книге приводится много, но уже и эти, выбранные нами, достаточно ясно показывают, что, в отличие от формального представления языкового выражения, то представление, на которое действительно опирается носитель языка, описывая пространство с помощью предложных конструкций, содержит не только информацию о геометрических характеристиках объектов и их взаимном расположении, но и о том, что это за объекты, каковы их функции и (типичные) условия использования, какова их (соотносительная) значимость в мире говорящего. Задать эту (вообще говоря, переменную, т. е. зависящую не только от объекта, но и от прагматической ситуации) информацию набором априорных признаков и правил вывода представляется автору невозможным в принципе, и он сводит свою задачу к поиску неформального описания таких параметров объекта, которые могли бы быть релевантными при описании его положения в пространстве с помощью предлогов (прежде всего, *at, on, in*).

По мнению А. Херсковиц, релевантным оказывается, во-первых, *форма объекта*, ср. рис. 7 и 8:

где (1) описывается английским *to the right* ('справа'), а (2) — *behind* 'сзади'. Далее, *размер* объекта — например, в конструкции с предлогом *at* размеры объекта и ориентира должны соответствовать друг другу, поэтому при допустимом *The house is at the lake* 'Дом у озера', предложение **The car is at the lake* 'Автомобиль у озера' оказывается невозможным. Существенны *гравитационные свойства* объектов (носитель языка знает, например, что пыль оседает на поверхности объекта), а также их *ориентация в пространстве*; кроме того, важно знать способ *геометрической концептуализации*: какие предметы мы представляем линиями (например, реки, дороги), какие — поверхностями (трава), какие — точками в пространстве (в частности, оказывается, что города, но не страны); *функция* (ср. приведенные выше примеры интерпретации ситуаций со столом, хлебницей и др.); *значимые части* объекта (благодаря этому мы понимаем, что 'стоять под деревом' означает 'стоять под его веткой/ветками'); *типичный способ взаимодействия с объектом-партнером по ситуации*: мы должны знать о «взаимоотношениях» между доской и гвоздем, чтобы понять, что такое 'гвоздь в доске', т. е. что он не весь находится внутри нее — по крайней мере шляпка торчит снаружи. Другой, менее тривиальный пример: *There is a Picasso in my bedroom; next to it hangs a Miro* 'В спальне у меня висит Пикассо, а рядом с ним — Миро'. Интересно, что носитель языка каким-то образом догадывается, что обе картины висят на *одной* стене, при том, что в значение предлога *next to* такая информация, очевидным образом, входить не может.

В работе широко используется характерный для когнитивной семантики термин «выделенность», или «салиентность», как его иногда переводят (англ. *salience*). Любопытны примеры выделенного пространственного контекста, способного менять языковую интерпретацию ситуации. Так, предложение *За домом (behind the house)* — *фонтан* обычно означает, что фонтан находится непосредственно за домом, т. е. на небольшом расстоянии от него. (Р. Лэнгекер использует для таких случаев категорию *масштаба*: расстояние между объектами обычно бывает соизмеримо с размерами самих этих объектов, ср. *за [перед, около, рядом с и др.] домом vs. у тебя за спиной vs. за картиной*; ср. также выше пример *The house at the lake.*)

Между тем, вообще говоря, расстояние может быть и значительным: ср. *The treasure is buried 6000 feet in a straight line behind*

you («Сокровище зарыто на расстоянии 6000 футов прямо позади тебя»), условие здесь одно: чтобы между предметом и ориентиром не оказалось выделенных объектов. Ср. также «геометрический» пример, сопоставляющий следующие две картинки:

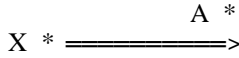

Рис. 9

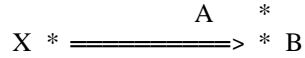

Рис. 10

В первом случае (рис. 5) отношения между X и A описываются предлогом *to the right* (*A to the right of X*); во втором (рис. 6) — ввиду «вмешательства» в ситуацию другого участника (B), она должна быть переинтерпретирована и выражена в языке иначе.

К сожалению, мы не имеем возможности, из соображений объема, привести здесь сами описания английских предлогов, предлагаемые А. Херсковиц. Отметим их чисто внешнюю особенность: это не словарные статьи в обычном понимании, с множеством подзначений. Исследовательница предпочитает говорить о *ситуационных типах* (*situation types*), которые воплощают и развивают *идеальное значение* (*ideal meaning*) предлога (ср. выше раздел 2.7 в связи с обсуждением места инварианта в когнитивной семантике). По А. Херсковиц, ситуационные типы отклоняются от идеального значения прежде всего по так называемым *конвенциональным* причинам: например, идеальное значение предлога *at*, отражающее «интуитивное представление говорящего и слушающего о главной идее» этого предлога, приблизительно описывает формулировка о совпадении одной точки с другой («for a point to coincide with another»); то, что, например, почтовое отделение концептуализуется в языке как точка (ср. *Julie is at the post-office*) — это конвенциональное знание. Но кроме того, сдвиг значения по сравнению с идеальным может возникать по чисто прагматическим причинам — в частности, по причине *толерантности* (*tolerance*) языка по отношению к определенным отклонениям от идеального значения. Например, когда говорят: *The car is at the corner of the 6th and Broadway*, то пренебрегают расстоянием, на котором, в действительности, находится машина от точки пересечения улиц.

Что касается теоретической базы работ А.Херсковиц, то она опирается, в частности, на идеи Л. Талми о противопоставлении *фон-фигура*, Ч. Филлмора о природе конструкций и широко использует идеи Т. Винограда как «раннего» (работавшего над ал-

горитмами управления ориентацией роботов в пространстве), так и «позднего» (отрицающего применимость алгоритмических методов к описанию естественного языка).

3.2. ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

В этом разделе мы хотели бы подробнее остановиться на работах, рассматривающих отношения между отдельными значениями лексемы.

Данное направление исследований можно было бы назвать *топологической семантикой*. Действительно, мы уже говорили о том, что когнитивная семантика рассматривает смысл (например, соответствующий какому-то типу употреблений лексемы) как схему или проекцию действительности. Такие схемы можно — и даже естественно — изображать (вспомним попытки Лэнгекера или условные топологические схемы Талми), «рисовать» — причем так, чтобы были видны связи между разными типами употреблений (ближе всего соответствующих подзначениям лексической единицы). Это и есть то, что называется *image schema* — термин, который, с нашей точки зрения, точнее всего было бы переводить на русский язык как *топологическая схема*. На ней изображаются пространственные связи и взаимодействия конкретных объектов; они же являются, как мы помним, донорской зоной для абстрактных ситуаций¹⁶.

Итак, отдельные подзначения и, следовательно, топологические схемы, связаны между собой; иногда связи, или *мосты*, по выражению К. Ванделуза [Vandeloise 1988; 1991] (ср. здесь понятие «семантического мостика», предложенного авторами модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст»), между отдельными топологическими схемами представляются исследователю настолько регулярными, что могут быть описаны стандартными семантическими *трансформациями* перехода от одной схемы к другой. Примеры таких трансформаций рассматриваются в работах Дж. Лакова и К. Бругман. Например, в подтверждение регулярности (для английского языка) перехода от схемы *path* (схема *пути*, т. е. перемещения из

---

¹⁶ В центре внимания «пространственных» исследований находятся предлоги, приставки и адвербиальные модификаторы глаголов. С описания пространственных отношений начинал и Р. Лэнгекер; тогда его теория называлась не когнитивной, а «пространственной» грамматикой (Space Grammar; ср., например, [Langacker 1982]; ср. также исследования в близком направлении французского лингвиста Ж. Фоконье, работающего в США, прежде всего [Fauconnier 1985]).

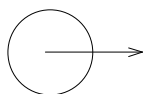
одной точки в другую) к схеме *end-of-path* (схема, отражающая местонахождение объекта в точке, которая соответствует конечному пункту движения), в [Brugman, Lakoff 1988] приводятся следующие пары:

- Sam walked over the hill* (path) ‘Сэм шел через гору’
Sam lives over the hill (end-of-path) ‘Сэм живет за горой’
Sam walked around the corner (path) ‘Сэм зашел за угол’
Sam lives around the corner (end-of-path) ‘Сэм живет за углом’
Harriet walked across the street (path) ‘Гарриет перешла улицу’
Harriet lives across the street (end-of-path) ‘Гарриет живет через улицу’
Mary walked down the road (path) ‘Мэри шла по улице’
Mary lives down the road (end-of-path) ‘Мэри живет в конце улицы’

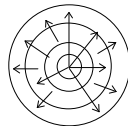
Такие пары оказываются чрезвычайно продуктивными, хотя есть и исключения, ср.:

- Sam walked to the house* (path) ‘Сэм шел к дому’
 **Sam lives to the house* (end-of-path) *‘Сэм живет к дому’

В работах С. Линднер [Lindner 1982; 1983] и др., посвященных английским предлогам — прежде всего, *up* и *out* — было предложено понятие *рефлексивного движущегося объекта* (*reflexive trajector*) и введена трансформация рефлексивизации, которая может быть проиллюстрирована следующей парой предложений:

Harry ran out of the room
 ‘Гарри выбежал из комнаты’

The syrup spread out ‘Сироп растекался’

Исходной топологической схемой здесь является первая — она описывает выход объекта из замкнутого пространства; во втором предложении и подобных ему примерах описывается ситуация, когда движущийся объект перестает находиться в заданных ему его собственных границах: сироп растекается, ковер разворачивается, так что то, что было «внутри», оказывается «снаружи». Подобные пары употреблений также часто встречаются среди английских предлогов, ср.:

He stood apart from the crowd (non-refl.) ‘Он стоял в стороне от толпы’

The book fell apart (refl.) ‘Книга развалилась’

По мнению Дж. Лакова и К. Бругман, в основе такого рода соответствий лежат особенности человеческого восприятия. Например, когда человек следит за движением, он сначала фокусирует свое внимание на самом перемещении, а потом — на конечном пункте. Это соответствует трансформации *«path focus → end-of-path focus»*. Объясняется и трансформация рефлексивизации. Дело в том, что, воспринимая движущийся объект (trajector) и неподвижный ориентир (landmark) как два разных объекта, человек устанавливает между ними отношения, которых требует предлог. Но те же отношения могут быть воспроизведены и в том случае, если движущийся объект и ориентир движения — не разные объекты, а части одного и того же, где речь идет о смене состояний этого объекта, при котором одна его часть может осмысляться как ориентир, а другая — движущийся объект. Таким образом, описываются семантические трансформации, регулярные для разных лексем в языке (и даже для лексем разных языков) и позволяющие, в частности, прогнозировать развитие многозначности слова.

Между тем, далеко не всегда отношения между топологическими схемами так регулярны, в том числе и для предлогов. Тем не менее, эти схемы во всех случаях как-то связаны между собой, и их набор не случаен. Вопрос о причинах нерегулярной и непредсказуемой многозначности также обсуждается в теории когнитивной семантики. Б. Хокинс в [Hawkins 1988] (где он совершенствует свое собственное представление о семантике предлогов со значением ‘medium’ — ‘нахождения внутри’), опираясь на идеи Э. Рош, предлагает обобщающую модель «мостов» между разными типами употреблений.

Согласно Э. Рош, разные категории — в том числе, если говорить о лингвистике, то, например, семантика разных лексем — должны максимально четко различаться в представлении носителя языка. Однако Б. Хокинс уточняет Рош: различаются не категории, а ядра категорий, причем настолько, что эти различия можно описывать структурными методами, вплоть до дифференциальных и селективных признаков. Однако у каждого ядра-прототипа есть периферия, и тут никакой «старый» аппарат не работает, потому что чем дальше от ядра, тем сложнее и на первый взгляд запутанней набор признаков, характеризующий языковую единицу. Например, она может характеризоваться признаком, входящим в «ядро» совсем другой категории, а со «своей», наоборот, почти ничего не иметь общего — но это, по мнению Хокин-

са, не повод, чтобы переводить ее в другую категорию, а доказательство, что структурный аппарат в области периферии не работает. Периферия устроена иначе, она опирается, скорее, на принцип аналогии, который, в данном случае, действует следующим образом: некоторый семантический признак оказывается *спонсором* — он «втягивает» в категорию дополнительные элементы. Например, для предлогов со значением 'внутри' существенным признаком оказываются границы объекта, так что «ядром» здесь являются ситуации нахождения внутри замкнутого пространства, однако у контейнеров, имеющих отверстие, носитель языка находит так много общего с замкнутыми пространствами, что пренебрегает отверстием, и контейнеры как бы втягиваются в класс замкнутых пространств. В свою очередь, такие производные, или, как их называет Хокинс, *зависимые* употребления, могут образовывать своеобразные периферийные центры, так что их семантические признаки могут затем служить спонсорами для следующих зависимых элементов. Например, почти все части тела — контейнеры, и поэтому их названия сочетаются с «медиальными» предлогами; лексема *подбородок*, которая не является обозначением контейнера, ведет себя, тем не менее, аналогично другим частям тела, «втягиваясь» в категорию медиум (ср. *удар в подбородок*).

Своеобразной иллюстрацией идеи Хокинса может служить история глагола 'хотеть', рассмотренная известным африканистом и типологом Б. Хайне [Heine 1994] в рамках «теории грамматикализации»¹⁷.

В языках часто сосуществуют два типа употреблений глагола со значением 'хотеть': (1) 'Человек хочет есть' и (2) 'Дождь хочет пойти'. Обычно второе объясняют метафорическим сдвигом по отношению к первому: дождь как бы одушевляется. Между тем, историко-типологический анализ языков такого решения не подтверждает. Оказывается, что для 'хотеть' характерен еще один тип употребления: (1a) 'Старик хочет упасть', при этом исторически такой тип является «промежуточным» по сравнению с (1) и

---

¹⁷ «Теория грамматикализации» описывает возможные пути возникновения грамматических значений (и грамматических показателей) из лексических значений (и самостоятельных лексем). Ее основные положения были сформулированы в пионерской работе Х. Лемана [Lehmann 1982], опиравшегося, в свою очередь, на ряд идей Антуана Мейе. Теорию грамматикализации можно рассматривать как одно из ответвлений когнитивной лингвистики, находящееся на стыке когнитивной семантики и когнитивной морфологии; подробнее см., например, [Bybee 1985; Heine, Claudi, Hünnemeyer 1991]

(2): в языке (1) всегда появляется раньше (2), и чаще всего происходит так, что (1) исчезает, а (1а) остается наряду с (2).

Легко проследить эволюцию семантики 'хотеть' «по Хокинсу»: в первом типе употреблений 'хотеть' описывает одушевленного и контролирующего ситуацию субъекта; затем сильный (центральный) признак одушевленности (признак-спонсор) втягивает в зону употреблений 'хотеть' одушевленного, но не контролирующего ситуацию партиципанта (1а). Центром по-прежнему является одушевленность, но признак 'контроль', бывший в употреблениях типа (1) периферийным, в употреблениях типа (1а) приобретает активность и впоследствии втягивает неконтролируемые неодушевленные употребления типа (2). Что происходит потом? Оказывается, что в языке случаев, когда ситуация 'хотеть' не контролируется субъектом, в результате становится больше, чем тех случаев, когда 'хотеть' выступает как контролируемый предикат, и — центр категории смещается в сторону (2). Употребления типа (1) становятся периферийными; как показывает Хайне, со временем глагол 'хотеть' часто вообще перестает употребляться в этих контекстах и заменяется на глаголы другой первоначальной семантики, например, типа 'искать' (которые, в свою очередь, тоже должны для этого пройти определенную семантическую эволюцию и за счет некоторого активного признака втянуть в зону своего употребления 'хотеть').

Мы уже отмечали, что поиски непосредственных и опосредованных «мостов» — вплоть до исследования метафорических переносов — ведутся не только для значений лексем, но и для значений морфем, причем как словообразовательных (прежде всего, пространственных приставок и суффиксов), так и словоизменительных (падежных аффиксов, видовых показателей). Так, анализируя каузативно-аппликативную конструкцию в ацтекском языке, Д. Тагги апеллирует к топологическим схемам Р. Лэнгекера, описывающим глагол *run* — эти схемы служат образцом семантического описания в его работе [Tuggy 1988]. Он объясняет, что задача описания семантики морфемы, в сущности, ничем не отличается от описания семантики лексемы. (Любопытно, что аналогичное утверждение было сделано значительно раньше Ю. Д. Апресяном, ср. публикации [Апресян 1980: 10], а также [Апресян 1985].) Результатом исследования Тагги, как и следовало ожидать, оказываются схемы, связывающие между собой достаточно сильно, на первый взгляд, удаленные значения каузатива и аппликатива (в ацтекском языке они выражаются одним и тем же показателем).

Почти всегда подобные работы читать интересно, единственная проблема, которая непременно начинает занимать читателя — это возможность ограничений в установлении подобных связей или мостов. Такой вопрос задается — см., в частности, [Lakoff 1990], где он, правда, обсуждается применительно к метафорам; ответ на него предлагается формулировать не в виде запретов, а в виде предпочтений: ограничить воображение носителя языка, в том числе в том, что касается структурирования внеязыковой ситуации, трудно, но можно попытаться предсказать общую стратегию его поведения. Так, Дж. Лаков выдвигает *гипотезу устойчивости* метафоры (invariance hypothesis): если концепт некоторой языковой единицы сравнивается с другим и этот другой становится в языке конвенционализированным источником метафоры для данной языковой единицы, то этот источник диктует языковой единице не отдельные употребления, а целиком свою, так сказать, когнитивную топологию. Таким образом, если (по Дж. Лакову) в языке любовь — это путешествие («love is journey»), то следует ожидать, что в этом языке все или по крайней мере очень многие параметры путешествия окажутся перенесенными в область концепта любви (влюбленные уподобятся путникам, на их «пути» появятся «препятствия», и т. д. и т. п.). Другой пример действия принципа устойчивости — уже из области поэтической метафоры. Дж. Лаков и М. Тернер исследовали метафоры смерти в английской поэзии [Lakoff, Turner 1989]; оказалось, что очень многие образы регулярно повторяются — так, при персонификации смерть регулярно представляется, например, как возница, кучер, шофер и под. или как жнец; есть и другие регулярные метафоры, они также разбираются, но вопрос состоит в том, почему именно эти, а не другие аналогии (не учитель, режиссер, продавец мороженого) оказываются столь частотными. Ответ предлагается искать в области действия гипотезы устойчивости. Общая метафора DEATH IS DEPARTURE (смерть — это уход), «работающая» во многих сочетаниях, в том числе и в русском языке» может служить отправной точкой в подобного рода рассуждениях. Уход — это событие, и если мы воспринимаем его как результат воздействия со стороны некоторого активного субъекта, того, кто помогает его осуществить, то это наводит на мысль о кучерах и возницах. Но исходным пунктом может быть и другая устойчивая метафора: PEOPLE ARE PLANTS (люди — это растения). Растения, как и люди, растут, зреют и умирают, и если мы хотим увидеть это последнее событие как результат деятельности некоторого активного субъекта, то таким субъектом может быть, например, жнец.

В поисках ограничений или предпочтений при установлении связей различных употреблений языковых единиц можно идти от некоторого общего принципа, и искать подтверждений ему в языковом материале — это как раз стратегия Лакова, выдвигающего гипотезу устойчивости; но можно и исследовать конкретные языки, чтобы затем искать общие закономерности — фактически семантические универсалии, и, как мы уже говорили, конкретно-языковых работ, в том числе и сопоставительных, выполненных на материале сразу нескольких языков, в рамках когнитивной семантики тоже достаточно много, так что и здесь можно ожидать интересных обобщений.

3.3. КОНСТРУКЦИИ И АРГУМЕНТНАЯ СТРУКТУРА (А. ГОЛДБЕРГ)

Работа А. Голдберг [Goldberg 1995] интересна как попытка совместить основные теоретические ветви когнитивной семантики, а именно, когнитивную грамматику Р. Лэнгекера, грамматику конструкций Ч. Филлмора и то особое внимание к роли метафоры в языке, которое привили западной лингвистике Дж. Лаков и М. Джонсон.

Язык как бы строится из конструкций, способ схематичного представления таких конструкций может быть проиллюстрирован на примере конструкции ‘превращения’ — *X caused Y to become Z* (ср.: *He made it better / a stone*):

sem	CAUSE-BECOME	<agt	result-goal	pat>
	PRED	<	>	
syn	V		sbj obj	pp/adj obj

Русскому читателю эта схема может напомнить схему модели управления глагола: в верхней строке — семантические актанты, а в нижней способы их синтаксического оформления в предложении. Если же искать отличия такого рода схем от модели управления, то модель управления, если так можно сказать, семантически подробнее и глубже, тогда как аргументные схемы ориентированы скорее на типы предикатов, чем на описание конкретного вершинного глагола — с этой особенностью когнитивной семантики мы уже сталкивались неоднократно.

Разные конструкции могут быть связаны друг с другом — обычно одна наследует семантику и форму другой. Подобное наследование усматривается в тех случаях, когда исследователь видит системные отношения между этими конструкциями. Например, есть *cause-motion* конструкция (*He moved it back*) и упомяну-

тая выше результивная конструкция — благодаря устойчивой метафоре «*Change of State as Change of Location*» (перемена состояния как перемена местоположения), между этими конструкциями устанавливается отношение мотивированности: результивная конструкция (отражающая перемену состояния) мотивирована конструкцией каузации движения (которая описывает перемену местоположения). Здесь, как обычно, более конкретная семантическая область (движение) оказывается донорской (см. 2.6) по отношению к более абстрактной — результату; таким образом теория метафоры дополняет грамматику конструкций.

Системные отношения в семантике обеспечивают и формальную близость конструкций. Другой пример: так называемая *way-construction* (конструкция пути, ср.: *Frank dug his way out of the prison* 'Фрэнк выбрался из тюрьмы', букв.: 'Франк прорыл себе путь из тюрьмы') «складывается» из двух: креативной конструкции, ср. *He made a path* 'Он сделал проход' и нетранзитивной конструкции перемещения типа *He moved in to the room* 'Он прошел в комнату'; при этом наследуется и семантика, и модели управления обеих исходных конструкций.

Внутри конструкции может развиваться полисемия, но, опять-таки, не случайно. Так, *way-construction* расщепляется на две: основную конструкцию, описывающую средства (means) передвижения, и производную, со значением образа действия (manner), и это происходит потому, что способ выражения средства (или инструмента) вообще в языке часто склеивается со способом выражения образа действия, ср. англ. *with a knife* '<с> ножом' (*инструмент*) — *with care* 'аккуратно <с тщанием>' (образ действия).

Теперь рассмотрим отношения между конструкцией и глаголом. Во всех семантических школах принято считать, что семантика глагола раз и навсегда задает его синтаксические возможности, и прежде всего, структуру его модели управления. Поэтому, для того, чтобы объяснить, каким образом семантически одностепенный и синтаксически непереходный английский глагол *to sneeze* 'чихнуть' употребляется в составе транзитивной конструкции:

He sneezed the napkin off the table, букв. 'Он счихнул салфетку со стола',

необходимо ввести дополнительное значение глагола *to sneeze*, которое бы объясняло данную возможность. Но это — если исходить из, так сказать, «глаголоцентричной» модели предложения. А вот если считать, как предлагает А. Голдберг, что семантическим центром является не глагол, а конструкция, то глагол просто

встраивается в разные конструкции (при условии, что он соответствует ограничениям на глагольное место, которые они предусматривают); а то, какие ему в этих конструкциях уготованы аргументные места — это участь, с которой ему приходится так или иначе мириться.

Таким образом, глагол *sneeze* может встраиваться в непереходную конструкцию, которая является для него основной, и, кроме того, в конструкцию каузации движения: ср. *сдуть / смахнуть / сдвинуть / убрать что-л. откуда-л.* — благодаря тому, что в семантику глагола 'чихнуть' так или иначе входит идея каузации движения (чихая, человек перемещает струю воздуха от себя)¹⁸.

Рассмотрим теперь такой пример:

Дилижанс ехал через деревню.

Согласно А. Голдбергу, это предложение представляет нетранзитивную конструкцию перемещения. Глагол описывает непределительный процесс перемещения в пространстве, в данном случае, одновременно уточняя способ перемещения (транспортное средство). Мы могли бы иначе описать способ движения, например: *дилижанс плыл / скользил / резво семенил* и т. п., но при этом должно безусловно соблюдаться правило, по которому семантические «добавки» не меняют типа (или, по Р. Лэнгекеру, профиля) ситуации, т. е. это должен быть непределительный процесс. Более того, мы можем использовать механизм переносного употребления и подставить на место глагола перемещения глагол другой семантической группы, ср.:

Дилижанс пилил / чесал / молотил через деревню, лишь бы этот глагол сохранял идею непределительного процесса (ср. здесь невозможность **взмахнул через деревню, *запряг через деревню* и др. под. примеры, где эта идея нарушена). Конечно, в нормальной ситуации ни один из них не имеет такого управления (ср. *чесать за ухом / *через ухо*), но в рамках данной конструкции они его получают по аналогии и интерпретируются тоже по аналогии с тем основным семантическим типом глаголов, который в этой конструкции употребляется.

В этом же ряду следует рассматривать и многочисленные примеры употребления в данной конструкции глаголов звучания:

---

¹⁸ Механизм «необразования» нового значения здесь тот же, что действует, например, в предметных именах, когда одно и то же имя интерпретируется, например, то как емкость, то как устройство (*колодец*) и в связи с этим получает и те, и другие синтаксические свойства, однако размежевать такое имя на два подзначения не представляется возможным, так как оба разных семантических компонента обязательно присутствуют в толковании одновременно.

Дилижанс ухал / хлюпал / скрипел / улюлюкал через деревню, так как в массе своей это глаголы неопредельного процесса, и они тоже интерпретируются в этой конструкции как особого рода передвижение. Обратим внимание, что если только глагол звучания имеет другую общую характеристику (другой профиль), он оказывается недопустим в этой конструкции, ср. невозможность:

**Мальчик говорил через деревню*

**Поезд свистел через деревню*

**Веселая компания пела через деревню*

Денотативно, всё это ситуации, которые могут осуществляться одновременно с движением и, тем самым, характеризовать его, так сказать, звуковую сторону. Однако здесь дело не сводится к неопредельному процессу — уже хотя бы потому, что предполагается адресат. Для *говорить* и *петь* это очевидно; *свистеть* в данном случае тоже описывает передачу сигнала (ср. вполне возможное пули свистели через деревню). Так же обстоит дело и с глаголами *мычать*, *лаять* и *жужжать* (о насекомых) — они тоже осмысляются как глаголы передачи информации (говорения на соответствующем языке): **Корова мычала / собака лаяла / пчела жужжала через деревню*¹⁹.

Таким образом, в рамках грамматики конструкций удастся не только избежать размножения значений глагольной лексемы, но и объяснить, почему в одних случаях переносные употребления возникают, а в других нет.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Настоящий обзор ни в коей мере не претендует на полноту представления работ и авторов даже в такой сравнительно небольшой области, как когнитивная семантика. Нашей задачей было, скорее, проследить некоторые тенденции развития современных исследовательских подходов — показать, что при всем их разнообразии, есть, тем не менее, нечто общее: в них всякий раз разрушаются и размываются границы, установленные и принятые до сих пор, т. е. в период структурализма и постструктурализма: границы между семантикой и психологией, между диахроническим и синхронным описанием, языковыми и речевыми упо-

---

¹⁹ Эти и подобные свойства глаголов звучания (в связи с семантикой приставки *про-* в русском языке) обсуждаются, с использованием несколько иного метаязыка, в [Кронгауз 1995].

реблениями (они оказываются проявлениями языковой способности), между словарной и энциклопедической информацией, существенными и факультативными семантическими признаками, между отдельными подзначениями лексем и даже разными лексическими концептами. Одновременно оказались оспорены наиболее общие принципы лингвистического описания, — такие как принцип *экономии* (согласно которому грамматика должна «покрывать» как можно более обширный материал минимальным числом аксиом, правил, трансформаций и проч., тем самым, чем проще — и, вообще говоря, короче грамматика — тем она лучше); принцип *общности* (правила грамматики должны обеспечивать построение всех правильных предложений языка, уподобляясь, в каком-то смысле, алгоритмическому устройству, так сказать, большой компьютерной программе); принцип *редукционизма* (все, что может порождаться правилами грамматики, должно быть из самой грамматики исключено — иначе произойдет дублирование, которое, в свою очередь, противоречит принципу экономии описания). Провозглашается, что язык не экономен, он не только допускает дублирование, но и требует его, в языке нет семантически пустых категорий и «работает» он не по алгоритмическим законам.

Таким образом, можно считать, что лингвистика (по крайней мере в одном из своих направлений) в каком-то смысле повернула назад — к историко-философским традициям конца XIX-го — начала XX века (подробнее см. об этом [Geeraerts 1988a; 1992]).

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку // ВЯ, 1993, № 3.

Апресян В. Ю. Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика, вып. 34. М., 1995.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974 (2 изд.: М.: Школа «Языки русской культуры», 1995).

Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст». Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 1. (Перепечатано в [Апресян 1995: 8–101]).

Апресян Ю. Д. Принципы описания значений грамем // Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1965, с. 61–65.

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28. М., 1986 (перепечатано в [Апресян 1995: 629–650]).

- Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: ШЯРК, 1995
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Изв. РАН, СЛЯ, 1997, т. 56, № 1, с. 11–21.
- Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.
- Бурас М. М., Кронгауз М. А. Концептуализация в языке: все или ничего // Р. М. Фрумкина (ред.). Язык и структура знаний. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990.
- Бурас М. М., Кронгауз М. А. А. Вежбицкая. Семантика грамматики (обзор). М.: ИНИОН РАН, 1992.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ, № 4, 1994.
- Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ, № 5, 1994.
- Кронгауз М. А. Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика, вып. 34. М., 1995.
- Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // ВЯ, № 4, 1994.
- Лабов У. Структура денотативных значений // НЗЛ, вып. 14. М.: Прогресс, 1983.
- Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука, 1974.
- Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». М.: ШЯРК, 1995.
- Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14, 1984.
- Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // ВЯ, № 2, 1996.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В., О некоторых направлениях современной французской лингвистики // ВЯ, N 5, 1994.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Рец. на кн.: Goddard; Wierzbicka 1994 // ВЯ, № 3, 1996.
- Рахилина Е. В. Семантика размера // Семиотика и информатика, вып. 34, 1995.
- Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Ю. С. Степанов (ред.). Язык и наука конца 20 века. М.: РГГУ, 1995.
- Фрумкина Р. М. (ред.). Язык и когнитивная деятельность. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1989.
- Фрумкина Р. М. О прозрачности естественного языка // Фрумкина Р. М. (ред.). Язык и структура знаний. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990.
- Фрумкина Р. М. Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991.

Фрумкина Р. М. Размышления на полях новой книги Анны Вежбицкой // НТИ, сер. 2, № 4, 1994., с. 26–28.

Фрумкина Р. М. Прагматика: новый взгляд // Семиотика и информатика, вып. 34. М., 1995.

Biederman I. Recognition-by-components: a theory of human image understanding // Psychological review, 1987, 94.2, p. 115–147.

Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectivals // Foundations of language, 3. 1, 1967.

Bierwisch M. On Certain Problems of Semantic Representations // Foundations of Language, 5, 1969, p. 153–184.

Brugman C. M. How to be in the know about *on the go* // Papers from the 19th regional meeting of the CLS, 1983, p. 64–75.

Brugman C. M. The story of 'over': Polysemy, semantics and the structure of the lexicon. N. Y.: Garland, 1988.

Brugman C. M., Lakoff G. Cognitive topology and lexical networks // Cottrell, G. W. et al. (eds). Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence. San Mateo (CA): Morgan Kaufman, 1988, p. 477–508.

Bybee J. Morphology: a study of the relation between meaning and form. Amsterdam: Benjamins, 1985.

Casad E. H. Conventionalizations in Cora locationals // Rudzka-Ostyn (ed.), 1988, p. 345–378.

Chomsky N. Lectures on government and binding. Dordrecht: Foris, 1981.

Cienki A. Spatial cognition and the semantics of prepositions in English, Polish and Russian. München: Sagner, 1989.

Darmsteter A. La vie de mots étudiée dans leurs significations. Paris, 1887.

Desclés J. P., Guentchéva Z., Shaumyan S. Theoretical aspects of passivization in the framework of applicative grammar. Amsterdam: Benjamins, 1985.

Di Sciullo A. M., Williams E.. On the definition of words. Cambridge (MA): MIT, 1987.

Dowty D. Word meaning and Montague grammar. Dordrecht: Reidel, 1979.

Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural languages. Cambridge (MA): MIT, 1985.

Fillmore Ch. J. The case for case // E. Bach, R. Harms (eds), Universals in linguistic theory. N. Y.: Harper and Row, 1968 [русск. пер.: Ч. Филлмор. Дело о падеже // НЗЛ, 1981, вып. X].

Fillmore Ch. J. How do we know whether you're coming or going // Rauh G. (ed.). Essays on deixis. Tübingen: Narr, 1983, p. 219–227.

Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor C. Regularity and idiomatity in grammatical constructions: the case of *llet alone 0* // Language, 64, 1988, p. 501–538.

- Fillmore Ch. J., Kay P. Construction grammar course book. Berkeley: Univ. of California, 1992.
- Geeraerts D. Functional Explanations in Diachronic Semantics // A. Bossuyt (ed.). Functional explanations in linguistics (Belgian Journal of linguistics 1). Bruxelles, 1986, p. 67–93.
- Geeraerts D. Cognitive grammar and the history of lexical semantics // Rudzka-Ostyn (ed.), 1988a, p. 647–677.
- Geeraerts D. Where does prototypicality come from? // Rudzka-Ostyn (ed.), 1988b, p. 207–229.
- Geeraerts D. Katz revisited: Aspects of the history of lexical semantics // W. Hülsen, R. Shulze (eds.). Understanding the lexicon: Meaning, sense and world knowledge in lexical semantics. Tübingen: Niemeyer, 1988c.
- Geeraerts D. The return of hermeneutics to lexical semantics // M. Pütz (ed.). Thirty years of linguistic evolution. Amsterdam: Benjamins, 1992.
- Goddard C., Wierzbicka A. (eds). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam: Benjamins, 1994.
- Goldberg A. A Construction grammar approach to argument structure. Chicago: Univ. of Chicago, 1995.
- Hawkins B. W. The natural category MEDIUM: An alternative to selection restrictions and similar constructs // Rudzka-Ostyn (ed.), 1988, p. 231–270.
- Heine B. On the genesis of aspect in African languages: the proximative // Proceedings of the 20th annual meeting of the BLS, 1994, p. 35–46.
- Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago: Univ. of Chicago, 1991.
- Herskovits A. Language and spatial cognition: An interdisciplinary study of the prepositions in English. Cambridge: CUP, 1986.
- Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge (MA): MIT, 1983.
- Jackendoff R. Consciousness and the computational mind. Cambridge (MA): MIT, 1987.
- Jackendoff R. Semantic structures. Cambridge (MA): MIT, 1990.
- Jackendoff R. Languages of the mind: essays on mental representation. Cambridge (MA): MIT, 1992.
- Janda L. The mapping of elements of cognitive space into grammatical relations: an example from Russian verbal prefixation // Rudzka-Ostyn (ed.), 1988, p. 327–344.
- Janda L. The radial network of a grammatical category — its genesis and dynamic structure // Cognitive linguistics, 1-3, 1990, p. 269-288.
- Janda L. A geography of case semantics: The Czech dative and the Russian instrumental. B. : Mouton de Gruyter, 1993.
- Katz J. J. Semantic theory. N. Y. : Harper & Row, 1972.
- Katz J. J., Fodor J. A. The structure of semantic theory // Language, 39, 1963, p. 170–210.
- Kay P. *Even*. Linguistics and philosophy, 13. 1, 1990, p. 59–112.
- Kittay E., Lehrer A. Semantic field and the structure of metaphor // Studies in Language, 5, 1981, p. 31–63.

- Lakoff G. Linguistics and Natural Logic // Davidson D., Harman G. (eds.). *Semantics of Natural Language*. Dordrecht: Reidel, 1972, p. 545–665.
- Lakoff G. Where there's smoke ... prototypes in syntax // Talk presented to the linguistic group, UCB, March 1982. 1983.
- Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: Univ. of Chicago, 1987.
- Lakoff G. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // *Cognitive linguistics*, 1, 1990, p. 39–74.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago, 1980.
- Lakoff G., Turner M. *More than cool reason: A field guide to poetic metaphor*. Chicago: Univ. of Chicago, 1989.
- Langacker R. Space grammar, analysability and the English passive // *Language*, 58, 1982, p. 22–80.
- Langacker R. Active zones // *Proceedings of the 10-th annual meeting of the BLS*. 1984.
- Langacker R. Abstract motion // *Proceedings of the 12-th annual meeting of the BLS*. 1986.
- Langacker R. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: SUP, 1987.
- Langacker R. A view of linguistic semantics // Rudzka-Ostyn (ed.), 1988, p. 49–89.
- Langacker R. *Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar*. B.: Mouton de Gruyter, 1991a.
- Langacker R. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 2: Descriptive application. Stanford: SUP, 1991b.
- Langacker R. Reference-point constructions // *Cognitive Linguistics*, 4, 1993a, p. 1–38.
- Langacker R. Grammatical traces of some «invisible» semantic constructs // *Language sciences*, 15, 1993b, p. 323–355.
- Langacker R. The limits of continuity: discreteness in cognitive semantics // Fuchs C. Victorri B. (eds), *Continuity in linguistic semantics*. Amsterdam: Benjamins, 1994, p. 9–20.
- Langacker R. Structural syntax: The view from cognitive grammar // Madray-Lesigne F., Richard-Zappella J. (eds). *Lucien Tesnière aujourd'hui*. P.: Peeters, 1995a, p. 13–39.
- Langacker R. The symbolic alternative // H. Kardela; G. Persson (eds), *New trends in semantics and lexicography*. Umeå: Swedish science press, 1995b, p. 89–112.
- Lehmann Chr. *Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch*. Köln, AKUP 48, 1982.
- Lindner S. Why Goes Up does not necessarily Come Down: The ins and outs of opposites // *Papers from the 18th Regional Meeting of the CLS*, 1982, p. 305–323.
- Lindner S. *A lexico-semantic analysis of English verb-particle constructions with UP and OUT*. Trier: LAUT, 1983.

- Marr D. Vision. San Francisco: Freeman, 1982.
- McCawley J. Where do NP's come from? // Danny D., Jakobovits A. L. (eds.). Semantics. Cambridge: CUP, 1971, p. 217-231.
- Mervis C., Rosch E. Categorisation of natural objects // Annual Review of Psychology, 32, 1981, p. 89-115.
- Paprotté W. A discourse perspective on tense and aspect in Standard Modern Greek and English // Rudzka-Ostyn (ed.), 1988, p. 447-505.
- Partee B. H. Montague grammar. N. Y.: Academic press, 1976.
- Rosch E. Human categorization // N. Warren (ed.). Studies in cross-cultural psychology. N. Y.: Academic press, vol. 1, 1977, 1-49.
- Rudzka-Ostyn B. Metaphoric processes in word formation: The case of prefixed verbs // Paprotté W., Dirven R. (eds). The ubiquity of metaphor. Amsterdam: Benjamins, 1985, p. 209-241.
- Rudzka-Ostyn B. (ed.). Topics in cognitive linguistics. Amsterdam: Benjamins, 1988.
- Rudzka-Ostyn B. Semantic extensions into verbal communication // Rudzka-Ostyn (ed.), 1988a, p. 647-677.
- Sweetser E. Semantic structure and semantic change: English perception verbs in an Indo-European context. Trier: LAUT, 1984.
- Sweetser E. From etymology to pragmatics. Cambridge: CUP, 1990.
- Talmy L. Semantics and syntax of motion // J. Kimball (ed.). Syntax and semantics, 4. N. Y.: Academic press, 1975, p. 181-238.
- Talmy L. Figure and ground in complex sentences // Greenberg et al. (eds.). Universals of human language. Stanford: SUP, vol. 4, 1978, p. 625-649.
- Talmy L. How language structures space // Pick H., Acredolo L. (eds.). Spatial orientation: theory, research, and application. N. Y.: Plenum, 1983, p. 225-282.
- Talmy L. The relation of grammar to cognition // Rudzka-Ostyn (ed.). 1988, p. 165-205.
- Taylor J. R. Contrasting Prepositional Categories: English and Italian // Rudzka-Ostyn (ed.), 1988, p. 300-326.
- Tuggy D. Nahuatl causative/applicative in the cognitive grammar // Rudzka-Ostyn (ed.), 1988, p. 587-618.
- Vandeloise C. Length, width and potential passing // Rudzka-Ostyn (ed.). 1988, p. 647-677.
- Vandeloise C. Spatial prepositions: A case study from French. Chicago: Univ. of Chicago, 1991.
- Van Ginneken J. Het gevoel in taal- en woordkunst. Leuvense Bijdragen, 9, 265-356; 10, 1-156, 173-273. 1910-1912.
- Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt: Athenäum, 1972.
- Wierzbicka A. The case for surface case. Ann Arbor: Karoma, 1980.
- Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985.
- Winograd T., Flores F., Understanding computers and cognition. Norwood (NJ): Ablex, 1985.
- Zadeh L. Fuzzy sets. Information and control, 8, 1965, p. 338-353.